

18+

ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ,
ЕСЛИ СМЕШАТЬ ОДНО
(СЛУЧАЙНОЕ) УБИЙСТВО,
ДВЕ ТЫСЯЧИ ГОСТЕЙ
НА СВАДЬБЕ И РОДОВОЕ
(ВОЗМОЖНО) ПРОКЛЯТИЕ?

ДОВЕРЬТЕСЬ ЦЕНАМ

ДЖЕССИ К. СУТАНТО

Джесси К. Сутанто

Доверьтесь Ченам

Серия «AsianRomance»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68347480
ISBN 978-5-17-147214-6

Аннотация

Для Мэделин Чен свидание вслепую заканчивается сокрушительным фиаско: фатально для нее и летально для парня. Чтобы решить возникшую проблему (труп в багажнике), на помощь приходят четыре взбалмошные тетушки.

Однако избавиться от тела оказывается гораздо сложнее. Особенно, когда морозильник для торта (со спрятанным в нем трупом) случайно отправляется на свадьбу миллиардера. Там Мэдди, ее мама и тетушки работают над подготовкой праздника с большим размахом. Это самый крупный заказ для их семейного свадебного бизнеса, который грозит обернуться провалом.

Такой исход недопустим, ведь главный девиз семейства: «Не оставляй свой самый важный день на волю случая, доверь его Ченам!»

Содержание

Рецензии	6
Дорогой читатель,	8
Пролог	11
Часть I	15
1	17
2	39
3	52
4	64
5	76
6	83
7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джесси К. Сутанто

Доверьтесь Ченам

Jesse Q. Sutanto

DIAL A FOR AUNTIES

Печатается с разрешения

Jill Grinberg Literary Management, LLC

and The Van Lear Agency LLC. All rights reserved.

Иллюстрация на обложке Елены Солодовниковой

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Copyright © 2021 by PT Karya Hippo Makmur

© Елена Солодовникова, иллюстрация на обложку

© Артаненко Анастасия, перевод на русский язык, 2022

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

ДЖЕССИ
К. СУТАНТО

ДОВЕРЬТЕСЬ ЦЕНАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Рецензии

Доверьтесь Ченам

«Уморительный, искренний роман о – о чем же еще, как не о?.. – непреднамеренном убийстве и семейных узах. Уже после первых пяти страниц он заставил меня смеяться в голос и до самых последних держал в напряжении и восторге. Эта бесконечно мудрая, крайне забавная и совершенно очаровательная книга наверняка станет одной из лучших в этом году!»

*Эмили Генри, автор бестселлера по версии «Нью-Йорк Таймс»
«Пляжное чтение»*

«Я в восторге. Остроумно, оригинально и очень смешно. Я не могла оторваться от книги и сбилась со счета, сколько раз смеялась вслух».

*Бет О'Лири, автор бестселлера «Выключатель» по версии
«Санди Таймс»*

«Заверните романтическую комедию в детективную историю, посыпьте «Уикендом у Берни»¹, и вы получите эту восхитительно веселую, добрую книгу... Если вы любите ромкомы (это идеальный вариант для экранизации), не пропустите эту жемчужину 2021

¹ Криминальная комедия 1989 года.

года».

«Бук Райот»

«Лучше всего Сутанто удались образы подтрунивающих, вмешивающихся во все тетушек («“Как ты могла свести Мэдди с таким придурком?” – ругалась четвертая тетя на ма»), которые отлично умеют сеять хаос. Эта книга прекрасно подходит для легкого и приятного времяпрепровождения».

«Паблшиерс Уикли»

*Маме и папе,
которые обязательно помогли бы мне
спрятать мертвое тело*

Дорогой читатель,

благодарю тебя за то, что выбрал «Доверьтесь Ченам». Эта книга – любовное послание моей до смешного большой семье с длинной историей иммиграции. Все четверо моих бабушек и дедушек переехали из Китая в Индонезию между 1920 и 1930 годами и сразу сменили свои китайские имена на индонезийские, чтобы избежать травли. Чен стали Сутанто, а Хо стали Виджая. Со временем они полностью влились в индонезийскую культуру, и то же самое произошло с их потомками. Мои родители выросли, разговаривая на индонезийском языке, который был для них родным, в то время как мандаринский стал уже вторым.

В девятидесятых годах родители отправили нас из Индонезии в Сингапур вместе с другими детьми, чтобы избежать творящихся там беспорядков и столкновений с китайским населением. К счастью, сейчас Индонезия – на удивление разнообразная страна в плане рас и религий, и нам предоставлена такая свобода, какой не было у наших родителей. Находясь в Сингапуре, мы с моими двоюродными братьями и сестрами быстро освоили английский язык, и он стал нашим родным. Некоторые из нас (кхе-кхе, я) почти полностью забыли индонезийский. Всякий раз, когда мои родители приезжали в гости, мы с трудом понимали друг друга.

Результатом всех этих переездов стала мешанина из мно-

жества языков. Формально моя семья говорит на трех, но каждый из них не идеален. Мне комфортнее всего общаться на английском, чуть меньше – на мандаринском, потому что я десять лет изучала его в Сингапуре, и самым слабым у меня индонезийский. Мои родители свободно говорят на индонезийском и мандаринском языке и ломано – на английском. Когда мы общаемся, наша речь звучит несладко, с паузами, и нам часто тяжело преодолеть языковой барьер, чтобы понять друг друга. Это та цена, которую моим родителям пришлось заплатить, чтобы мы с братом оставались в целости и сохранности.

Некоторые из тетюшек в книге говорят на таком же ломаном английском, что и мои родители. Их английский не свидетельствует о низком интеллекте, он является отражением жертвы, которую они принесли ради нас. Они, по сути, трилингвы, и я очень горжусь таким наследием. Во время написания книги я четко осознавала, что нахожусь на очень тонкой грани между достоверностью и стереотипом, и надеюсь, что она бросает вызов последнему. Эта книга ни в коем случае не является отображением азиатского сообщества в целом; ни одно отдельное произведение не может представлять такое большое сообщество людей.

Я надеюсь, что «Доверьтесь Ченам» даст вам возможность хоть немного окунуться в ту неистовую любовь, в которой мы росли и которая оберегает нас и по сей день.

*С наилучшими пожеланиями,
Джесси.*

Пролог

Восемь лет назад

На моей семье лежит проклятие. Оно преследовало нас от самого Китая, где забрало моего прадеда (несчастный случай на ферме, в котором участвовала беременная свиноматка и неудачно лежащие грабли), и до Индонезии, унеся жизнь моего деда (инсульт в возрасте тридцати лет, что не столь драматично, как смерть прадеда, но все равно довольно печально). Мама и тети были уверены, что китайское проклятие не последует за ними на Запад, поэтому, выйдя замуж, все переехали в Сан-Габриэль, штат Калифорния. Но проклятие не только догнало их, но даже мутировало. Вместо того, чтобы убить мужчин моей семьи, оно заставило их уйти, что гораздо хуже. По крайней мере, дедушка умер, горячо любя мою бабушку. Первым ушел старший дядя. Потом второй дядя, а потом – мой отец, который ушел, не сказав ни слова, посреди ночи. Просто встал и исчез, как призрак. Однажды утром я проснулась и спросила, где он, а мама поставила передо мной миску с конджи² и сказала: «Ешь». Тогда я поняла, что проклятие настигло и его. Когда мои двоюродные братья окончили школу, тоже уехали, выбрав обучение в Нью-Йоркском

² Конджи – обобщающий термин для разных азиатских блюд из разваренного риса. По консистенции напоминает густой суп или жидкую кашу.

университете и Пенн Стейт, а не в одном из лучших колледжей Калифорнии.

– Ах, Нэт, тебе та-а-ак повезло, – сказала старшая тетя моей маме в тот день, когда та объявила, что я подала документы в восемь колледжей, и все они в Калифорнии. Самый дальний из них – Беркли, и мы бесчисленное количество раз спорили из-за него.

Ма³ считает, что все, что дальше Калифорнийского университета в Ирвине, слишком далеко, ведь она не сможет случайно зайти ко мне в общежитие и прибраться в комнате или поворчать на мою соседку, чтобы та ложилась спать пораньше и пила много воды. Сын старшей тети, Хендра, учится в Бостонском колледже и игнорирует 99,999 процентов ее звонков. Остальные 0,001 процента – это когда у него заканчиваются деньги, и ему приходится просить у нее еще.

– О, как повезло, – произносит вторая тетя, с грустной улыбкой похлопывая себя по груди, вероятно, думая о моей кузине Никки, которая сейчас в Филадельфии. Она никогда не звонит и приезжает только раз в год. Ее второй сын, Аксель, живет в Нью-Йорке. Последний раз я видела его два года назад, перед самым переездом. «Наконец-то, – сказал бы он. – Когда придет твоя очередь, Мэдди, беги как можно дальше и не оглядывайся».

– Дочери никогда не оставят тебя. Дочь – это такое благоговение, – продолжает вторая тетя. Она протягивает руку и

³ Ма (с кит.) – мама.

треплет меня за щеку.

Самая младшая тетя ворчит, продолжая чистить жареные соленые тыквенные семечки. Для нее ма – главный враг, и она скорее подавится, чем признает ее самой счастливой из них. Но, когда мама не видит, она подмигивает мне. *«Я горжусь тобой, детка».*

Я еле заметно улыбаюсь. Потому что вроде как солгала ма. Я действительно подала документы в восемь колледжей в Калифорнии, но, кроме них, также еще в девятый – Колумбийский. Не знаю, зачем это сделала, потому что крайне маловероятно, что мне удастся туда поступить, да и непонятно, как бы мы потянули такую непомерно высокую стоимость обучения.

Через несколько месяцев я держу в руках письмо о зачислении и смотрю на него, и смотрю, и...

Я комкаю его. И выбрасываю в мусорное ведро. Я не такая, как мои двоюродные братья. Я не такая, как мой отец и мои дяди. Не могу просто бросить свою семью. Особенно маму. Я не настолько глупа, чтобы думать, что проклятие обойдет меня стороной. Спустя годы, когда мой будущий муж уйдет от меня, рядом со мной останутся только мама и мои тети. Поэтому я говорю им, что собираюсь в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Мама плачет. Мои тети (даже самая младшая) кричат и обступают меня, обнимая, ласково хлопая по щекам и сокрушаясь о том, что у них нет дочерей.

– Тебе так повезло, – в миллионный раз говорит маме старшая тетя. – Она останется с тобой и всегда составит тебе компанию.

Неужели это правда? Неужели я обречена остаться с ними навсегда только потому, что единственная, кто не настолько бессердечен, чтобы уйти? Я выдавливаю улыбку и, пока они суетятся вокруг меня, благосклонно киваю, пытаюсь представить свою жизнь, которую проведу в одном доме с мамой и тетями.

Часть I

Девушка встречается парня

(Возможно, кто-то влюбится в сети, а также кто-то может умереть. Увидим)

ЧАСТЬ I

ДЕВУШКА ВСТРЕЧАЕТ ПАРНЯ

(Возможно, кто-то влюбится
в сети, а также кто-то может
умереть. Увидим)

1

Сегодняшний день

Я делаю глубокий вдох, прежде чем открыть двери, сквозь которые доносится шум и какофония мандаринского и кантонского диалектов. Отступаю в сторону, чтобы мама вошла внутрь передо мной. Это не проявление вежливости, хотя я вежлива, а обыкновенное здравомыслие. Мама выросла в китайском квартале Джакарты, кишашем людьми, и знает, как пробиться через толпу. Через любую толпу. Если бы впереди шла я, то лишь пищала бы: «Извините... Ой, простите. А... Вы не могли бы... У меня заказан столик...» Мой голос утонул бы в этом шуме, и мы застряли бы перед рестораном на целую вечность. Или, по крайней мере, до тех пор, пока в районе не утихнет ажиотаж вокруг димсамов, то есть при-

мерно до двух часов дня.

Как бы то ни было, люди толкаются позади ма, пока она прокладывает путь через толпу семей, ожидающих свои столики, и я бы потеряла ее из виду, если бы не держалась за ее руку мертвой хваткой, как будто мне всего три года. Даже не думая останавливаться у стойки регистрации, она входит внутрь, будто это место принадлежит ей, и орлиным взглядом осматривает большой обеденный зал.

Как можно описать хаос, который царит в димсам-ресторане в самом сердце долины Сан-Габриэль в 11 часов утра? Здесь около сотни круглых столиков, за каждым из которых сидит семья, причем во многих из них присутствуют представители трех-четырех поколений. Седовласые бабушки с морщинистыми, как чернослив, лицами держат на коленях пухлых младенцев. Официантки толкают исходящие паром тележки, хотя, если вы назовете их «официантка», они никогда к вам не подойдут. Вы должны обращаться к ним Ай Йи, то есть «тетушка», и отчаянно махать рукой, привлекая внимание. И, как только они останавливаются, клиенты слезаются, как стервятники, и начинают сражаться за бамбуковые пароварки в тележке. Люди кричат, спрашивая, есть ли у них Сиу Май⁴, или Хар Гоу⁵, или Ло Май Гай⁶, а Ай Йи достают нужные блюда из глубин своих тележек.

⁴ Китайские пельмени на пару со свиной и креветками.

⁵ Китайские пельмени с начинкой из ростков бамбука и тигровых креветок.

⁶ Рис с начинкой из курицы, грибов или колбасы.

Мой мандаринский язык ужасен, а кантонский вообще никуда не годится. Ма и тетушки часто пытаются помочь улучшить мои навыки, говоря со мной на мандаринском или индонезийском, но потом сдаются и переходят на английский, потому что я все равно понимаю лишь пятьдесят процентов из того, что они говорят. Их английский далек от совершенства, но он гораздо лучше, чем мой китайский или индонезийский. Это еще одна причина, по которой мне очень трудно заказывать еду в димсам-ресторанах. Чаще всего к тому времени, как Ай Йи замечает меня и понимает мой заказ, все самое вкусное уже разбирают. И остается только самый отстой, как, например, рыхлые вегетарианские пельмени или приготовленная на пару бок-чой⁷.

Но сегодня... Ах, сегодня хороший день. Мне удалось за-получить две порции Хар Гоу⁸, которые, безусловно, оценила бы старшая тетя, и даже Лоп Чанг Бао – китайские роллы с сосисками. Они почти оправдывают все мои мучения, связанные с еженедельными походами в димсам-ресторан.

Тетя одобритительно кивает, когда Ай Йи ставит бамбуковые пароварки на середину стола, и мне невыносимо хочется бить себя в грудь и кричать: «Это я ухватила эти пельмени с креветками! Я!»

– Ешь больше, Мэдди. Ты должна набраться сил до завтра, – говорит мне старшая тетя на мандаринском, положив

⁷ Сорт китайской капусты.

⁸ Традиционные кантонские клецки, которые подают в димсам-ресторане.

два куса тушеных свиных ребрышек на мою тарелку, пока я аккуратно раскладываю пельмени по тарелкам остальных и наливаю им чай. Вторая тетя разрезает Ча Сиу Бао⁹ на две части и кладет поровну каждому на тарелку.

Круглый стол означает, что каждый может сам дотянуться до любого блюда, но китайская семейная трапеза не будет таковой без того, чтобы подкладывать друг другу еду, потому что так мы показываем свою любовь и уважение. А значит, должны делать это как можно более показушно. Какой смысл подавать старшей тете самый большой сиу май, если никто этого не заметит?

– Спасибо, старшая тетя, – покорно говорю я, положив на ее тарелку Хар Гоу. Я всегда отвечаю по-английски, независимо от того, на каком языке ко мне обращается моя семья, потому что вторая тетя как-то сказала, что от моего индонезийского и китайского у нее повышается давление.

– Ты тоже ешь больше. Мы все рассчитываем на тебя завтра. И ты, вторая тетя.

Второй по величине Хар Гоу отправляется на тарелку второй тети. Третий по величине достается четвертой тете, а последний оставшийся, самый маленький, идет на тарелку ма. Это показывает, что мама хорошо воспитала меня, чтобы я заботилась прежде о других, а не о себе.

Тетя отмахивается от моих банальностей ярким жестом руки, увешанной драгоценностями.

⁹ Китайские паровые булочки со свининой.

– Мы все рассчитываем друг на друга.

Головы с пышными кудрями кивают. У четвертой тети самые пышные волосы, на что ма постоянно жалуется мне наедине.

– Она всегда такая эссентричная, – сказала однажды ма, что прозвучало одновременно и смешно, и ужасно. Я спросила ее, где она услышала это выражение, и она сказала, что от нашей соседки тетушки Ли Ин, что было ложью, но я уже двадцать шесть лет живу с ма и знаю, что с ней лучше не спорить. Поэтому я лишь сказала, что правильно говорить эксцентричная, а не эссентричная, на что она кивнула, пробурчала что-то и вернулась к нарезке зеленого лука.

– Хорошо, – произносит старшая тетя, хлопнув в ладоши. Все сразу садятся ровнее. Старшая тетя старше второй тети на десять лет, и в основном она воспитывала своих сестер, пока бабушка была на работе. – Прическа и макияж?

Вторая тетя кивает, доставая телефон, и надевает свои очки. Она стучит по нему указательным пальцем, бормоча:

– М-м-м, как же называется это приложение? Мэдди использовала его, чтобы подобрать мне прическу. Пин что-то там.

– «Пинтерест», – вздыхаю я. – Я могу помочь тебе найти его...

– Нет, Мэдди. – Тетя бросает на меня строгий взгляд, и я сдаюсь. – Ты не должна помогать. Если завтра вторая тетя не сможет найти приложение, когда будет с невестой, мы

точно потеряем лицо. Мы должны быть профессионалами, – говорит она. Или, по крайней мере, я думаю, что она сказала именно это.

Тетя говорит так быстро, что мне трудно уловить смысл, но я определенно расслышала слова на мандаринском, означающие «потерять лицо» – это ее любимая фраза.

Вторая тетя поджимает губы, а ее левая щека слегка дергается. Как четвертая тетя до смерти раздражает ма, так вторая тетя и старшая тетя далеко не всегда ладят между собой. Не спрашивайте, почему; возможно, это связано с тем, что они обе старшие. Или, возможно, было что-то в их непростом прошлом. В семье моей мамы происходило много драм, особенно в Джакарте. За эти годы я слышала много обрывков разных историй, в основном от ма.

– Ха! – выкрикивает вторая тетя, размахивая своим телефоном с «Пинтерест» на экране, словно это меч, который ей только что удалось вытащить из камня.

– Я нашла его. Тот стиль, который выбрала невеста. Я пробиовала сделать подобную прическу Мэдди, и это выглядело великолепно. – Она поворачивается ко мне и переходит на английский. – Мэдди, у тебя есть фото с той прической?

– Есть, – отвечаю я, быстро доставая свой телефон. Открываю нужную фотографию, и вторая тетя держит наши телефоны рядом, показывая всем две фотографии.

– Ух ты, – говорит ма. – Она так похожа на модель! Очень хорошо, сестренка.

Вторая тетя тепло улыбается ей.

Четвертая тетя кивает и отвечает по-английски:

– Да, они почти идентичны. Это впечатляет.

Ее английский лучше, чем у остальных, и это еще одна вещь, за которую мама никогда не простит ее, хотя сама она говорит по-английски лучше, чем ее старшие сестры. Ма утверждает, что четвертая тетя любит использовать сложные слова (то есть те, в которых более двух слогов) только для того, чтобы подколоть ее. Возможно, так и есть, но это лишь одна из многих истин, которые мы никогда не узнаем.

– Завивка не очень хорошо смотрится на азиатских волосах, – говорит старшая тетя.

Тот факт, что она говорит по-английски, означает, что замечание наполовину относится ко мне. Мое нутро сжимается от чувства вины, хотя я тут совершенно ни при чем.

– И почему ты выбрала для работы светлые волосы?

Вторая тетя бросает на нее гневный взгляд:

– Я не выбирала. Невеста выбрала. Клиент всегда прав, не забыла?

Она протыкает свой хар гоу и со злостью кусат его.

– Хм... – вздыхает старшая тетя. – Надо было сказать ей, что на азиатских волосах такая прическа будет смотреться иначе, чем на светлых. Но, – добавляет она, когда замечает, что вторая тетя уже готова взорваться, – неважно. Теперь уже поздно. Переезжаем...

– Продолжаем, – произносит младшая тетя.

– А? – спрашивает старшая тетя.

– Продолжаем. Говорится «продолжаем», а не «переезжаем». Переезд – это то, что ты делаешь, когда меняешь место жительства.

– Продолжаем. Хорошо.

Старшая тетя улыбается четвертой тете, и та в ответ так сияет, словно снова стала ребенком. Ма говорит, что четвертая тетя – любимица старшей тети, потому что она самая младшая в семье, и была таким умильно беспомощным ребенком, что украла сердце старшей тети прямо из груди.

«Она выхватила его прямо из груди», – много раз ворчала мама.

Я не стала спрашивать, была ли ма, как вторая по младшинству сестра, любимицей старшей тети вплоть до рождения четвертой тети.

– Что насчет цветов? – старшая тетя снова переходит на китайский, и я немного расслабляюсь.

Ма выпрямляется.

– Обо всем позаботились. Лилии, розы, пионы. А Гуан отвезет все утром на остров.

Остров, о котором она говорит, – Санта-Лючия, большой, частный, у побережья Южной Калифорнии. Он может похвастаться чистейшими золотыми пляжами, огромными скалами и, по состоянию за прошлый месяц, одним из самых роскошных, эксклюзивных курортов в мире – Айана Лючия. Завтра там начинается двухдневная свадебная феерия для

наследницы крупнейшей индонезийской текстильной компании Жаклин Виджайя и – это не шутка – Тома Круза.

А точнее, Сутопо. Да, да, жениха действительно зовут Том Круз Сутопо. Я проверила. Китайцы и индонезийцы любят называть своих детей в честь известных людей или брендов (у меня есть кузен по имени Гуччи, который переехал как можно дальше, как только получил законное право) или менять написание популярного западного имени. Например, мои родители выбрали своей целью имя Мадлен, которое изменили на Мэделин. Когда я росла, мои кузены называли меня Любопытная Мэделин¹⁰, поэтому я никогда, никогда не вмешиваюсь ни в чьи дела. Никогда. Ну, и также повлиял тот факт, что моя мама и тети и так постоянно вмешиваются в дела всей семьи.

В любом случае, родители Тома Круза Сутопо владеют... чем-то. Чем-то большим. Пальмовые плантации, угольные шахты и тому подобное. Так что это свадьба, объединяющая две семьи миллиардеров, на недавно построенном курорте, поэтому старшая тетья и все остальные по понятным причинам нервничают. Понятия не имею, как нам удалось заполучить этих людей в качестве клиентов. Хотя, на самом деле знаю. Если быть точной, то муж четвертой тети – брат тестя двоюродной сестры Жаклин.

Так что мы практически родственники. Но в индокитай-

¹⁰ Прозвище Meddlin' созвучно с именем Meddelin (Мэделин) и переводится как «докучливая», «вмешивающаяся в чужие дела».

ской культуре по-другому и не бывает: все так или иначе связаны друг с другом, и сделки заключаются, потому что чей-то зять знает двоюродного брата чьего-то друга.

Я думала, что слоган нашей захудалой фирмы – *«Не оставляйте свой самый важный день на волю случая, доверьтесь Ченам!»*¹¹ – которым старшая тетя очень гордится, отпугнет жениха и невесту, но они нашли его забавным. Сказали, что он еще больше убедил их в решении нанять нас для обслуживания такого знаменательного события.

Ма рассказывает о том, как ей удалось достать самые редкие цветы:

– Композиция будет выглядеть... как ты называешь это по-английски? Мэдди? Истисканно?

– Ты имеешь в виду изысканно? – поправляет четвертая тетя, и ма косится на нее самым смертоносным взглядом в истории человечества.

– Очень хорошо, – поспешно говорит старшая тетя, разрывая напряжение между ма и четвертой тетей. – И последний пункт – песни. Все готово?

Ледяной взгляд четвертой тети тут же исчезает, и на ее лице появляется довольная ухмылка.

– Конечно, мы с группой репетировали день и ночь. Люди постоянно приходят в студию, чтобы послушать, как я пою. Да ты и сама все знаешь.

Существует две версии истории жизни четвертой тети.

¹¹ Игра слов (в оригинале Don't leave your big day to chance, leave it to the Chans!).

Первая связана с тем, что она была знаменитым ребенком-вундеркиндом, чей голос газеты описывали как «ангельский» и «национальное достояние». Она была на пути к звездной славе, но бросила все ради сестер, которые решили переехать в Калифорнию. По второй версии, она была посредственной певицей, которая хитростью убедила всю свою семью оставить прежнюю жизнь и переехать в Калифорнию, чтобы она могла осуществить свои несбыточные мечты о карьере в Голливуде. Первая версия принадлежит четвертой тете, а другая – маме.

– А торт? – спрашивает вторая тетя, косо поглядывая на старшую тетю. – Главное украшение стола от нас должно быть идеальным, в отличие от того недоразумения, которое ты приготовила на свадьбу дочери Мохтара Халима. – Она издает драматический вздох. – Ни у кого больше нет лица.

Хм, звучит неправильно. Я медленно разбираю эти слова в своей голове. Думаю, она сказала, что из-за старшей тети мы все потеряли лицо. Мне действительно нужно подтянуть свой китайский.

В любом случае, суть в том, что вторая тетя нанесла удар ниже пояса. Свадьба Черисс Халим – ее любимая тема, потому что Черисс попросила невероятно сложный торт: перевернутая башня из пяти слоев, где нижний слой – самый маленький, а верхний – самый большой. Старшая тетя, за плечами которой годы и годы работы шеф-кондитером в «Ритц Карлтоне» в Джакарте, была уверена, что справится. Но что-

то пошло не так. Я не знаю, что это могло быть. Недостаточно устойчивая конструкция торта или, может быть, это была просто невыполнимая задача для свадьбы на пляже в разгар лета. Но, что бы это ни было, во время торжества, под испуганные вздохи гостей, огромная башня медленно накренилась и рухнула на одну из подружек невесты. Это был единственный раз, когда информация о нас стала вирусной, и вторая тетя никогда не позволяет старшей тете забыть об этом инциденте.

Ноздри старшей тети раздулись.

– Я здесь только для того, чтобы купить соевый соус.

Ладно, она определенно не то сказала.

Я наклоняюсь к ма и шепчу:

– Почему старшая тетя говорит о покупке соевого соуса?

– Тш, – шикает мама. – Вот почему я всегда говорю, что нужно быть внимательной на уроках китайского! Старшая тетя сказала второй тете, чтобы та занималась своими делами.

– Большо-о-ое спасибо за заботу, мэймэй, – говорит старшая тетя.

Фух, теперь она действительно разозлилась. Она использует обращение «мэймэй» – младшая сестра – только когда хочет напомнить им, кто из них старшая.

– Конечно, все готово. С тортом все будет идеально; пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. – Она одаривает вторую тетю улыбкой, которую я могу описать только как «убийствен-

но сладкую», а затем обращает свое внимание на меня.

Я ерзаю на месте. Старшая тетя, как и ее статус, крупнее всех своих сестер. Думаю, двадцать лет работы кондиционером не могли не сказаться на ее фигуре. Но она отлично чувствует себя в своем весе, и это делает ее более величественной, более убедительной. Не зря именно она ходит на встречи с потенциальными клиентами. Я всегда боюсь разочаровать маму, но мысль о том, чтобы разочаровать старшую тетю, часто не дает мне спать по ночам.

Может быть, это результат того, что я провела большую часть своей жизни в одном доме с мамой и ее сестрами. Мы с мамой переехали в свой дом только год назад, после того, как семейный бизнес начал приносить стабильный доход. Мы все по-прежнему живем в одном районе, всего в десяти минутах ходьбы друг от друга, и я чувствую тяжесть их ожиданий, словно у меня четыре матери, и все их надежды и мечты легли на мои плечи. В основном мной движет смесь кофеина и чувства семейного долга.

Старшая тетя поворачивается ко мне, и я неосознанно выпрямляюсь.

Наверное, она чувствует, как я нервничаю из-за завтрашнего дня, потому что ободряюще улыбается и переходит на английский.

– Мэдди, все в порядке с камерой, да? Ты готова к важному дню?

Я киваю. Вчера я проверила и перепроверила свою каме-

ру, свою запасную камеру и все пять объективов. Все они были отправлены на техническое обслуживание и надлежащую чистку несколько недель назад, в рамках подготовки к этой свадьбе. Ненавижу, что задача задокументировать тяжелую работу моей семьи – огромные торты старшей тети, сложные прически и безупречный макияж второй тети, великолепные цветочные композиции ма и динамичные выступления четвертой тети – лежит на моих плечах. На каждой свадьбе я стараюсь запечатлеть все, и каждую свадьбу что-то упускаю. В прошлый раз я забыла сделать фотографии четвертой тети с ее «рабочей стороны», той, которая «заставляет ее снова выглядеть на двадцать», а до этого я не смогла запечатлеть сервировку семнадцатого стола, который, очевидно, значительно отличался от других.

– Мой инструмент в идеальном состоянии, – уверяю я их. – И я запомнила список фотографий, которые нужно сделать для нашей страницы в социальных сетях.

– Ты хорошая, послушная девушка, Мэдди, – говорит старшая тетя, и я заставляю себя улыбнуться.

Да, почтение к родителям – основа азиатского воспитания. С тех пор, как я себя помню, меня учили ставить старших – то есть маму и тетушек – превыше всего. Именно поэтому я единственная в семье из всех семи детей моего поколения участвую в семейном бизнесе, хотя и отчаянно хочу уйти. Ради них я притворяюсь, что мне все это нравится: суета, грандиозные масштабы мероприятий и все такое.

Но это медленно разрушает то, что я люблю в фотографии. Вот уже несколько месяцев я размышляю о том, чтобы уйти из свадебного бизнеса и вернуть себе возможность не торопиться, играть с разными объективами, освещением и ракурсами вместо того, чтобы спешить делать снимок за снимком одного и того же материала. Только вот мне никогда не хватит смелости рассказать об этом своей семье.

– Да, ты хорошая, послушная девушка, – щебечет мама на индонезийском. Ма и тети одинаково хорошо владеют китайским и индонезийским и легко переходят с одного языка на другой. Она широко улыбнулась. Ох-ох, почему она улыбается? – Вот почему у нас сюрприз для тебя.

Теперь все мои тети улыбаются, глядя на меня. Я вся съеживаюсь, а сиу май во рту превращается в камень.

– Что происходит? – спрашиваю я еще тише, чем обычно.

– Я нашла для тебя идеального мужа! – восклицает ма.

И одновременно с ней все мои тети выкрикивают:

– Сюрприз!

Я моргаю.

– Прости, ты нашла что?

– Идеального мужа! – радостно кричит мама.

Я оглядываюсь через плечо, почти ожидая, что сейчас какой-нибудь парень, которого ма, вероятно, подкараулила в «Ранч 99»¹², подойдет ко мне сзади.

– Ох, его здесь нет, глупая девочка, – говорит ма.

¹² Крупнейшая азиатская сеть супермаркетов в США.

– Он в багажнике твоей машины со связанными руками?

– Не шути так, Мэдди, – цикает старшая тетушка. – Твоя мама делает все это, чтобы у тебя была хорошая жизнь.

Киваю в раскаянии. Я уже взрослая, и все же достаточно одного-единственного замечания от старшей тети, чтобы я снова почувствовала себя трехлетней.

– Прости, ма. Но я не...

– Не надо отговорок, – говорит ма. – Почему так сложно заставить тебя пойти на свидание? Я пыталась свести тебя с сыном дяди Аваи, но нет, ты не позволила. Пыталась свести тебя с моим поставщиком лилий, А Гуан – А Гуан очень красивый, знаешь ли, – но ты и от этого отказалась. Ты даже не захотела с ним встретиться.

– Мэдди, вероятно, осторожничает, потому что в прошлый раз, когда ты пыталась свести ее с сыном Ван Чжисяна, он оказался... ну, ты знаешь, – говорит четвертая тетя.

Ма раздраженно машет рукой.

– Почему ты все время вспоминаешь о сыне Чжисяна? Да, он оказался каким-то маньяком. Откуда я могла знать?

– Клептоманом, – бормочу я.

К тому времени, как закончилось наше свидание, он украл мою косметичку из сумочки и каким-то образом одну из моих туфель. Парень, конечно, засранец, но нужно отдать ему должное. Или позволить это должное украсть.

– В любом случае, сайянгку¹³, – обращается ко мне ма,

¹³ С индонезийского – дорогая.

используя индонезийское выражение ласкового обращения, которое она хранит для по-настоящему особых случаев, таких как, например, день, когда я выпустилась из Калифорнийского университета. – Этот парень так хорош. Говорю тебе, никто не может быть лучше него. Он такой красивый, такой добрый и такой умный! И-и-и...

О боже, вот он. Последний гвоздь в крышке моего гроба. Что будет на этот раз? С моим-то везением он наверняка окажется троюродным кузеном или кем-то в этом роде.

– Он владелец отеля! – выкрикивает четвертая тетя.

Ма смотрит на нее:

– Я как раз собиралась это сказать. Ты украла у меня момент!

– Ты слишком долго тянула, – возражает четвертая тетя.

Они все оборачиваются ко мне и в ожидании улыбаются.

– Эм... – Я кладу свои палочки. – То есть, я должна радоваться этому? Звучит как огромная ответственность. Стоит ли вам напомнить, насколько я плоха на свиданиях? И какую часть вашего плана вы считаете хорошей идеей?

– Ах, – говорит ма, самодовольно улыбаясь, – я знаю, что ты не так уж хороша на свиданиях...

– Это потому что ты очень хорошая девушка, – преданно произносит старшая тетя, на что вторая тетя кивает.

– Да, ты не шлюха, вот почему так плоха на свиданиях.

– Тетя! Можем мы не осуждать женщин, пожалуйста?

Она пожимает плечами, ничуть не раскаиваясь.

– В любом случае, – продолжает ма, – это неважно. Ничего страшного, что тебе не удаются свидания, потому что этот мальчик, о, он так влюблен в тебя, Мэдди. Он знает все твои недостатки, какая ты неловкая в общении и все такое. Но он говорит, что от этого ты ему нравишься еще больше!

– Стоп, стоп. Подожди. Хорошо. – Я поднимаю руки и делаю глубокий вдох. – Слишком много всего. Можем мы, пожалуйста, переключиться обратно на английский? Потому что я почти уверена, что неправильно все понимаю. Во-первых, он знает все мои недостатки? Какого хрена, ма? Откуда он знает все это обо мне?

– Она познакомилась с ним в интернете! – торжественно выкрикивает четвертая тетя. По всей видимости, все это время ее просто разрывала необходимость хранить тайну, потому что ее лицо сияет от возбуждения. – Твоя мама зашла в интернет, на сайт знакомств, и общалась с ним несколько недель!

– Что?!

О боже, значит, я все правильно поняла. Она действительно взяла и нашла мне случайного парня для свидания.

– Ма, это правда?

– Да, очень хорошая идея, да? Таким образом, вы узнали друг друга до свидания, которое состоится сегодня вечером.

– Сегодня вечером? – пишу я. – Но я *не знаю* его! Я ничего не знаю о нем, кроме того, что он общается с моей мамой уже несколько недель. Да это просто ужас какой-то, ма.

– Поэтому я и говорю тебе сейчас, – говорит ма совершенно невозмутимым тоном. Тем временем мои щеки так горят, что кожа практически плавится. – О, он такой хороший мальчик, так уважительно относится к старшим.

– Откуда ты знаешь?

Когда люди за соседним столом начинают оборачиваться, до меня доходит, как громко я говорю. А привлечь своим голосом внимание в димсам-ресторане в обеденное время почти невозможно, что только показывает, как чертовски я зла.

– Он купил своим родителям дом! Особняк в Сан-Марино, очень хорошее место.

Три мои тети торжественно кивают. Сан-Марино – это практически Священный Грааль моей семьи: достаточно близко к долине Сан-Габриэль, чтобы поздним вечером выпить бабл-ти, и достаточно далеко, чтобы жить не среди толпы иммигрантов. Ма и ее сестры положили глаз на Сан-Марино с тех пор, как иммигрировали сюда.

– И он любит готовить, – говорит ма, устремив на меня взгляд. – Что очень хорошо, потому что, сколько бы раз я тебя ни учила, все без толку. Как ты можешь стать хорошей женой, если даже не умеешь варить рис?

– Не отвлекайся от темы, – встречается четвертая тетя.

В кои-то веки ма ее слушает.

– У него две собаки. Ты всегда хотела собаку. Теперь у тебя их будет две! Они такие ухоженные. Смотри!

Она размахивает перед моим лицом фотографией двух

золотистых ретриверов, которые выглядят настолько идеальными и ухоженными, что запросто могут быть моделями для журнала о домашних животных.

– Я сказала ему, что работаю свадебным фотографом, а он сказал: «Вау, это так впечатляюще!» А я говорю...

– Подожди. – Мне нужна секунда, чтобы до меня дошел смысл ее слов. – Ты только что... Ма, ты... зашла на сайт знакомств под *моим именем*?

Я сижу перед ними с открытым ртом, не дыша, не моргая и не шевелясь.

– Конечно, она это сделала! – произносит вторая тетя. – Как еще она могла познакомиться с мальчиком? Скажи она ему свой настоящий возраст, пятьдесят шесть лет...

– Пятьдесят три, – поправляет ма, на что четвертая тетя фыркает.

– Если бы она указала свой настоящий возраст, тогда на сайте ей предлагали бы мужчин ее возраста, – объясняет вторая тетя, кивая и ободряюще улыбаясь мне. – Понимаешь? Вот почему она должна была притвориться, что она – это ты.

Я не могу это представить. Во что превращается моя жизнь? Пока мой разум силится справиться со свалившейся на меня информацией, ма делится со мной новыми глубокими, душевными сообщениями, которые прислал мне Джейк, владелец отеля. Он видел мои фотографии и, видимо, считает меня «захватывающей дух».

– У тебя есть хотя бы его фотографии?

– Я спросила его, но мне кажется, что он немного стесняется, – говорит ма.

– Ты ведь понимаешь, что это значит? Он полнейший тролль, – замечает четвертая тетя.

Ма отмахивается от нее.

– Я думаю, это потому, что он очень красивый и не хотел показывать фото, чтобы убедиться, что ты влюбилась в него, а не в его лицо.

– Кроме того, он тайванец, поэтому его китайский очень хорош, – говорит вторая тетя. – Может быть, с ним твои навыки улучшатся. Всякий раз, когда ты говоришь на китайском, у меня поднимается давление.

– Извини, – бормочу я. Меня так потрясло все, что они мне рассказали, что я даже не знаю, как реагировать. – Мне нужно... Могу я посмотреть эти сообщения в чате?

– Ой, на это нет времени, – говорит ма. – Ты доверяешь мне, ладно? Это очень хороший мальчик. Очень хороший. Если ты не пойдешь, то все упустишь.

И, к моему ужасу, несмотря на всю абсурдность происходящего, часть меня сдается, и это явно означает, что я потеряла свой проклятый разум.

Но последний раз я ходила на свидание...

Прошлым летом? Прошлой осенью? Боже мой. Неужели прошло столько времени? И даже не спрашивайте, как давно у меня был секс. Как любит напоминать мне моя лучшая подруга Селена: «Девочка, тебе нужно найти кого-то, пока

эта штука не закрыла магазин навсегда». Я посмотрела на свои колени, на эту «штуку». Почему Селена не могла просто сказать «вагина»? *Ты же не собираешься закрывать магазин навсегда?*

Ладно, я только что начала разговаривать со своей вагиной. Может, мама права. Мне отчаянно нужно пойти на свидание. И что с того, что оно было организовано самым странным, самым неловким образом?

– Ты должна пойти, – говорит мама, не подозревая, что я уже молча уговорила себя – и свою вагину – согласиться.

– Нельзя отменять, – уговаривает старшая тетя. – Если ты отменишь свидание в последнюю минуту, это будет очень некрасиво, знаешь ли.

– Так некрасиво, – вторит вторая тетя. – Но мы знаем, что ты этого не сделаешь. Ты хорошая девушка.

– Ты поставишь под угрозу свадебные выходные, – добавляет четвертая тетя. – Ты должна пойти, быть собой – прекрасной и милой. Уверена, он обязательно влюбится.

Я смотрю на маму и тетушек. Они смотрят на меня в ответ, улыбаясь и кивая, словно кошки, которые загнали мышь в угол.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Расскажи мне все, что я должна знать о моем сегодняшнем свидании.

Второй курс, семь лет назад

– Ты ни за что НЕ положишь в свое тесто нарезанный хот-дог и кимчи, – говорю я, сморщив нос.

– Ах да, в свое ты можешь положить эту штуку с пандой, а я в свое не могу положить хот-дог и кимчи? – спрашивает Нейтан, помешивая странное тесто для кекса в кружке.

– Пандан – это общепризнанный вкус кекса, ты, пещерный человек. Что это за кекс в кружке из хот-дога и кимчи?

– Самый лучший кекс, – с легкостью отвечает Нейтан. – Ты же знаешь, что мой получится намного вкуснее твоего, и ты в итоге просто съешь все до последнего кусочка.

– Это. Невозможно.

Десять минут спустя я издаю разочарованный крик, когда

моя ложка ударяется о дно его кружки.

– И это все?

Нейтан смеется.

– Я же говорил тебе. Хотя должен признать, что панда вкусная.

– Это пан-ДАН. Мы не едим животных. Это растение.

– О! А я все это время думал, что мы едим что-то вроде выделений из желез панд или что-то в этом роде.

Теперь настала моя очередь смеяться. Серьезно, этот парень неподражаем.

– Ты такой тупица. Боже мой, не могу поверить... Какие железы?

– Очевидно, анальные.

– Мерзость.

Он улыбается той самой улыбкой, от которой его глаза почти полностью закрываются и от которой меня тошнит. Просто для ясности: тошнит, потому что она до невозможности милая и вызывает странный трепет в животе, а не потому, что противна. Когда я рассказала Селене о его тошнотворной ухмылке, она сказала мне: «Ну, у тебя либо проблемы с желудком, либо ты влюблена. В любом случае, держись от меня подальше. Мне сейчас нельзя заболеть».

Влюблена. Я наблюдаю, как Нейтан встает и направляется к холодильнику, чтобы приготовить для меня еще один кекс в кружке с хот-догом и кимчи, и понимаю, конечно, понимаю, что я глупо, раздражающе – потому что, когда он не ря-

дом, проверяю свой телефон каждые полминуты – влюблена в него. Мы с Нейтаном познакомились на неделе первокурсников и быстро стали друзьями. Кажется, иначе и быть не могло. У нас даже фамилии одинаковые: Чен. Каковы шансы для такого совпадения? Ладно, на самом деле это самая распространенная фамилия в Гонконге, откуда родом его отец, и одна из самых популярных фамилий в Китае, откуда родом мой дедушка, но все равно это похоже на судьбу. Мы тусуемся почти каждый день и постоянно придумываем что-то новое. Например, нашли лучшие места в библиотеке для сна или лучший сэндвич-мороженое в «Дидди Риз» (печенье с макадамией и белым шоколадом и пекановое мороженое), а сегодня Нейтан пришел в общую комнату моего общежития, чтобы испечь пирожные. Это похоже на мою дружбу с Селеной, кроме влечения с трепетом в животе с моей стороны. А что касается его...

Ну, я не знаю. Иногда мне кажется, что я его тоже привлекаю.

Иногда я ловлю его нежный взгляд, и внутри у меня появляются бабочки (спасибо, живот). Но потом он кладет локоть мне на голову, пока мы стоим у перехода и ждем светофор, и я почти убеждаю себя, что он видит во мне лишь друга. И меня это совершенно устраивает. Я за платоническую дружбу, да. Полностью за. Пол-но-стью.

Нейтан кладет руку мне на плечо, и я чуть не вскакиваю со стула.

– Воу, ты в порядке?

– Пф, конечно. Почему это должно быть не так? – фыркаю я. Меня ведь не прервали посреди фантазий о Нейтане и его прессе, который, клянусь, виден, даже через университетскую толстовку.

– Ты слышала, что я сказал?

– Что?

– О вечеринке в Фи Каппа?

Мое лицо искажается гримасой.

– Вечеринка братства? А что с ней?

– Хм, ты хочешь пойти? Мой друг – член братства, и он говорит, что у них классные вечеринки. Не знаю, может быть весело.

– Ты понимаешь, что вечеринка братства – это место, где случаются все плохие вещи? Алкогольное отравление, изнасилование на свидании, дедовщина...

– Ладно, ладно, – смеется Нейтан. – Я понял, тебе не обязательно идти.

Ну почему я такая зануда? Я хочу пойти. Просто... не знаю. Наверное, я смертельно боюсь, что Нейтан узнает о моей симпатии, и это будет ужасно неловко.

К счастью, запищала микроволновка, и Нейтан занялся вытаскиванием кекса из кружки. Он так свободно передвигается по кухне, всегда с такой плавной грацией, что напоминает мне большую кошку. Например, льва или рысь. Он насыпает зелень в кружку с кексом и подносит ее мне. Я бла-

годарю его, хотя аппетит у меня и пропал.

– В любом случае, мне пора. Я пообещал Мэтту, что пойду с ним в спортзал.

– Спасибо за кекс, – говорю я самым непринужденным в мире голосом. – Хорошей тренировки, – выкрикиваю в последний момент и тут же жалею, потому что прозвучало это недовольно.

Он снова окидывает меня тем самым взглядом, ухмыляется и уходит. Я возвращаюсь в свою комнату. Селена едва поднимает глаза от своего учебника по математике, когда я драматично падаю на кровать.

– Синие шары? – спрашивает она, делая заметки в своем блокноте.

– Самые синие шары, – стону я в подушку.

– Почти уверена, что книга называется «Самый синий глаз»¹⁴.

Я поворачиваю голову и свирепо смотрю на нее.

– Ты не очень-то чуткая.

– Он пригласил тебя на вечеринку Фи Каппа?

– Откуда ты знаешь?

Селена закатывает глаза:

– Потому что у меня есть социальная жизнь? И Нейтан вскользя спросил, пойдешь ли ты.

Я застонала.

¹⁴ Книга Тони Моррисон (на англ. The Bluest Eye), на русском издана как «Самые голубые глаза».

– На вечеринках я полный отстой. Если бы он хоть раз увидел меня на одной из них, то понял бы, что я самый неинтересный человек в мире.

– Поэтому ты не сходила здесь ни на одну? – Селена таращится на меня. – Подруга, у тебя проблемы. Ладно. Решено. На этот раз ты идешь.

– Нет.

– Да.

– Нет, ты не можешь меня заставить, я не пойду. Не пойду!

В пятницу вечером мы с Селеной стоим возле дома Фи Каппа, который буквально трясется от музыки. Я имею в виду, что буквально вижу, как дребезжат окна от каждого сильного удара басов.

– Это была плохая идея, – стону я. Единственные вечеринки, которые мне нравятся, это посиделки с настольными играми.

– Сосредоточься, – говорит Селена, взяв меня за плечи. – Ты выглядишь чертовски сексуально, и мы пойдем туда, ты найдешь Нейтана, а я найду какую-нибудь горячую девушку или парня, в зависимости от того, кто приглянется первым, и нам обоим повезет сегодня.

– Повезет? – пишу я.

– Ну, понимаешь, сорвем куш?

Я смотрю на нее недоверчивым взглядом.

– Завалим. Переспим?.. Да боже, трахнемся! Так понятнее?

Мой голос взлетает на несколько октав выше:

– Я не собиралась... Я не готова...

Селена смеется.

– О боже, твое лицо. Я просто шучу. Никакого траха... сегодня вечером, хорошо? Вы с Нейтаном слишком очаровательны, чтобы предаться пьяному сексу на одну ночь. Мы просто найдем его, он увидит тебя в этом наряде, и все. Он УМЕР.

– Надеюсь, не буквально, – бормочу я себе под нос на всякий случай, если проклятие где-то рядом.

Делаю глубокий вдох и следую за Селеной, которая уже уверенно входит в оживленный дом братства.

Внутри оказалось еще хуже, чем я думала. Музыка настолько громкая, что у меня зубы стучат в такт. Селена ныряет в толпу, пробираясь между разгоряченными танцующими телами, увлекая меня за собой. Я понятия не имею, куда мы направляемся и откуда она вообще знает, куда идти.

Кто-то проливает ледяной напиток на узкие джинсы, которые Селена одолжила мне на вечер, и я визжу, отпуская руку Селены, но любой звук немедленно тонет в общем шуме. Тела наваливаются и смыкаются, отрезая от меня Селену. Я выкрикиваю ее имя, но не слышу даже свой собственный голос.

И теперь я одна. Делаю глубокий вдох, но это становится ошибкой. В братских домах, наверное, и в лучшие времена пахнет не очень хорошо, а через час шумной вечеринки воз-

дух становится радиоактивным. Я вздыхаю, беру себя в руки и снова погружаюсь в толпу, зовя Селену. Какой-то пьяный парень, споткнувшись, врывается в меня, отчего я спотыкаюсь тоже. Меня сейчас затопчут. Это не лучший способ умереть...

– Эй, эй, – говорит кто-то, поднимая меня с липкого пола.

– Нейтан, – выдыхаю я.

– Мэдди? – моргает он. А затем смотрит, будто видит меня в первый раз, и его глаза расширяются. – Вау.

Я закусываю губу. Селена гордилась бы его реакцией, но я чувствую себя глупо, как будто на мне чужая одежда. Хотя так оно и есть. Селена втиснула меня в джинсы, настолько узкие, что, я уверена, их придется срезать с моих ног, и в мерцающую майку, которая не предполагает бюстгальтер под нее. Селена говорит, что это нормально, так как бюстгальтеры предназначены только для женщин с грудью. Сурово, но честно.

– О, привет, – говорю я, как будто совершенно не ожидала увидеть его, как будто не специально пришла сюда полуголой, чтобы удивить его и чтобы он полюбил меня в ответ.

– Что? – кричит он.

– Я сказала «привет»! – кричу я в ответ.

– И тебе привет! – снова кричит он. По крайней мере, я думаю, что именно это он и выкрикнул.

– Что? – пытаюсь я расслышать.

Мы оба качаем головами и смеемся, и вся неловкость, ко-

торая возникла между нами, тает, как маленький кусочек маршмеллоу. Он берет мою руку и сжимает ее, прежде чем повести меня через комнату. Мое сердце болезненно сжимается, что сейчас он заметит, какие у меня потные ладони, и отпустит, и я потеряю его в толпе так же, как потеряла Селену... Но Нейтан крепко держит мои пальцы и медленно пробивается сквозь толпу, оборачиваясь через каждые несколько шагов, чтобы убедиться, что я в порядке.

Неожиданно мы оказываемся на заднем дворе, холодный ночной ветер жалит мое лицо и голую спину, отчего по телу бегут мурашки. Нейтан закрывает за нами стеклянную дверь, и, слава богу, грохот музыки становится тише.

– Ты справилась, – произносит Нейтан, обнимая меня одной рукой.

– Где Селена?

– Где-то внутри.

Я достаю свой телефон и отправляю ей сообщение, что нахожусь на заднем дворе, а Нейтан в это время здороваётся с теми, кто тоже решил выйти на улицу. Их всего несколько человек, и у всех в руках красные пластиковые стаканчики или бутылки с пивом. Хорошо, я смогу это сделать. Здесь намного спокойнее. Засовываю руки в карманы, или, во всяком случае, пытаюсь. Оказывается, эти дурацкие джинсы слишком тесные, чтобы пролез хотя бы мизинец. Нейтан знакомит меня со своими друзьями, имена которых я сразу же забываю, но, когда называю им свое, некоторые из них тут же

оживляются и смотрят на Нейтана, который в ответ лишь прищуривается. Мое сердце почти выпрыгивает из груди. Значит ли это, что он рассказал обо мне друзьям? **ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО, ЧТО ОН ЛЮБИТ МЕНЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ДРУГА?**

Так, подружка-сталкер¹⁵, притормози. Это ничего не значит. Девушка передает мне бутылку пива и протягивает вместе с ней открывалку.

– Просто повесь ее потом на этот крючок. – Она указывает на крюк, прибитый к дереву в центре двора.

Я делаю, как она мне сказала, и, когда отворачиваюсь от дерева, натыкаюсь прямо на грудь Нейтана.

– Уф.

– Ты в порядке? Извини, я думал, ты знаешь, что я прямо за тобой.

Я потираю нос.

– Боже, ты носишь щит под рубашкой?

Он театрально напрягает свои бицепсы.

– Что я могу сказать? Я просто очень крепкий.

– Скорее костлявый.

Но он не такой. Отнюдь. Я отрываю свой возбужденный взгляд от его груди. Что такого в грудных мышцах парней, что они меня так привлекают? словно я мужик, который постоянно глазеет на сиськи, только наоборот. Фанатка муж-

¹⁵ В оригинале bunny boiler, термин характеризует одержимых подружек, основой служит героиня Гленн Клоуз из «Рокового влечения».

ских торсов. Затем мой взгляд падает на руки Нейтана, и я думаю: *«М-м-м, у него красивые руки»*. Может, я фанатка мужских рук. А может, я просто фанатка самого Нейтана?

Я прислоняюсь спиной к стволу дерева, пытаюсь выглядеть непринужденно, но это оказывается большой ошибкой. Совет: не прислоняйтесь к стволу дерева, когда носите топ с открытой спиной.

– Черт, – шиплю я, потирая спину. – На этом дурацком дереве что, бритвенные лезвия?

– Эм, думаю, древесная кора. Дай-ка я посмотрю твою спину

Не успеваю я опомниться, как пальцы Нейтана уже касаются моей голой кожи. Его теплая сильная рука – на моей озябшей спине. Мои мышцы словно растаяли и превратились в воду. Я сглатываю, мысленно приказывая себе дышать.

– Всего лишь царапина. Жить будешь, – выносит он вердикт, но так и не убирает руку от моей спины. Вместо этого его пальцы скользят по ней, вызывая покалывание во всем моем теле. – Тебе холодно?

Я едва могу говорить, когда он снимает куртку и накидывает ее мне на плечи.

Вот оно. Вот когда я скажу ему, что мне снились эротические сны о нем. Нет, что я сильно влюблена в него и думаю, что он само совершенство, насколько это возможно для человека. Его куртка настолько велика мне, что я тону в ней.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, какая ты смехотворно крошечная?

– Между прочим, я метр пятьдесят восемь.

– В хороший день и на каблуках, – бормочет Нейтан, одавив меня своей улыбкой с ямочками. Он застегивает на мне куртку и слегка одергивает ее, как будто не хочет меня отпустить. – Привет, – произносит он мягким бархатистым голосом.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

– Привет.

В этот раз нет ни шуток, ни умных замечаний, ни толстого слоя дружбы между нами. Только он, я, прохладная пустынная ночь и гирлянды огней, светящиеся, как звезды, вокруг нас.

– Я рад, что ты пришла.

И на этот раз я на сто процентов честна с ним:

– Я пришла, чтобы увидеть тебя.

Снова эта улыбка, а затем он опускает голову, низко наклоняясь, когда я поднимаю лицо, и наши губы встречаются в мягком поцелуе, который стирает все остальные мои мысли.

Хорошо, хорошо. Ладно. Я уже целовалась с мальчиками. Точнее, с двумя мальчиками. Ладно, один из них был тыльной стороной моей ладони. Поцелуй с другим мальчиком был не очень, потому что, честно говоря, целоваться с рукой мне понравилось больше. Мне никогда не нравилось

смотреть на эти французские поцелуи в кино. К тому же я ем слишком много «ароматной» креветочной пасты, чтобы претендовать на звание мастера в них. Поэтому, когда дело доходит до поцелуев, я всегда предпочитаю сомкнутые губы.

Но это... Пресвятые угодники.

Нейтан – идеальная противоположность моему ханжескому поцелую. Его губы мягкие, а дыхание – пьянящая смесь рома и мяты, и он не просто просунул свой язык, как Кристиан Миллер в девятом классе. Нейтан не торопится, прикасаясь к моим губам нежно, так трепетно и мягко, что я превращаюсь в желе. Я обхватываю руками его широкие сильные плечи для поддержки, и он почти отрывает меня от земли. А потом, прежде чем я успеваю понять, мой рот приоткрывается, и я действительно целую Нейтана Чена, и это чертовски горячо.

И в этот момент я понимаю. Нет никого лучше Нейтана, никто не держал меня так крепко, прижав все мое тело к его. А в следующую секунду ко мне приходит осознание, что я попала по полной.

3

Сегодняшний день

Мэдди [7:03 PM]: Это ужасная идея. Как, черт возьми, я позволила им уговорить меня?

Селена [7:04 PM]: Оставалась самой собой?

Мэдди [7:04 PM]:

Мэдди [7:05 PM]: Это все твоя вина! Если бы ты пришла со мной в димсам, то вмешалась бы, и я бы не сидела здесь в ожидании неизвестного чувака, которого облапошила моя мама!

Селена [7:06 PM]: Ага, будто я осмелилась бы помешать планам твоей семьи устроить твою личную жизнь. К тому же, это весело!

Мэдди [7:08 PM]: Ты хуже всех. Знаешь, что я собираюсь сделать? Я скажу им, что это свидание прошло идеально, и они должны сделать то же

самое для тебя.

Селена [7:09 PM]: Если твоя мама найдет мне богатого владельца отеля для свидания, я бы согласилась. В чем проблема?

Я вздыхаю и кладу телефон на стол. Скажи я ей правду, что я все еще зависима от Нейтана, она бы велела мне перестать быть такой жалкой.

– Привет. Мэделин? – произносит мягкий низкий голос.

Я вздрагиваю, выкидывая из головы все мысли о Нейтане. *Не начинай это свидание, вытаскивая из прошлого призрака Нейтана.* Я поднимаю глаза и... хорошо, ма, ты отлично справилась. Четвертая тетя была права. Джейк определенно не тролль. Он не такой сногшибательно великолепный, как Нейтан – ух, прекрати это, – но он определенно хорошо выглядит. Он бы точно вписался в какую-нибудь k-рор группу. Высокий, подтянутый, с безупречной кожей и озорной улыбкой, на которую невозможно не ответить. Четвертая тетя была бы в восторге от него. Я встаю, чтобы обнять этого красавца. О боже, обнять или пожать ему руку? Он протягивает руку и обнимает меня, разрешая мою дилемму и скрывая мою оплошность – его рука задерживается на моей поясице. Когда мы отстраняемся друг от друга, я уже немного красная от смущения. Это не было простым объятием с посылом «Приятно познакомиться». Или было? Неужели я так долго оставалась вне игры?

Джейк, должно быть, чувствует мое волнение, потому что

скромно улыбается мне и произносит:

– Извини, если это было слишком. Я просто так рад наконец-то встретиться с тобой лично.

Конечно. Для него-то мы не совсем незнакомцы. Мы общались несколько недель. Бедный одураченный болван. Не могу поверить, что моя мама заставила кого-то встречаться со мной. Ладно, соберись. Я выдавливаю улыбку:

– Эм, я тоже.

– Вживую ты еще красивее, – говорит он и тянется через стол, чтобы взять меня за руки.

Ух-х-х.

Мои губы застывают в широкой неестественной улыбке-оскале, но Джейк, кажется, этого не замечает. Он подзывает официанта:

– Принесите нам бутылку вашего лучшего шампанского.

Существует ли вежливый способ освободить свои руки? Я немного зависаю, пытаюсь разобраться в этом бардаке. Ладно, очевидно, что для этого парня все очень серьезно. Серьезнее, чем ма заставила меня поверить. Черт возьми, почему я не настояла на том, чтобы просмотреть сообщения с ним в чате? Если я отдерну руки, ему будет неприятно? Он обидится? О боже, будет еще хуже, если он поймет, что общался не со мной, а с моей мамой. Он наверняка выйдет из себя и постарается угробить наш бизнес. Как минимум, настучит на нас невесте и жениху. Господи, а если он подаст на нас в суд? Это вообще возможно?

– Ты в порядке? – спрашивает он.

Я моргаю и, сконцентрировав свое внимание на нем, делаю глубокий вдох.

– Прости, да, я в порядке.

– О чем задумалась?

Ты подаешь в суд на меня и мою семью за мошенничество.

– О работе.

Он кивает.

– Как я уже говорил тебе раньше, твои работы потрясающие.

Тепло поднимается по моей шее, и я почти выпаливаю «Ты видел мои работы?», но вовремя останавливаюсь. Конечно, он видел мои работы. Ма показала бы ему их одними из первых. Наш сайт, на котором тысячи фотографий счастливых пар, довольно крутой, если можно так сказать.

– Ты так хорошо передаешь все эмоции, – продолжает он. – Честно... иногда я думаю: «Черт, Джейк, как тебе так повезло?»

Я слабо смеюсь в ответ. Он по уши влип, бедняга. Я буду с ним милой. Попробую, хотя бы ради него. Я чуть глупо не спрашиваю «А чем ты занимаешься?», когда вспоминаю, что вообще-то знаю.

– Ты слишком добр. Лучше расскажи, как ты попал в гостиничный бизнес?

Джейк пожимает плечами:

– Сразу после колледжа я занимался финансами. Некото-

рое время работал на Уолл-стрит, а потом подумал: *«Ну, я уже заработал состояние – пару состояний, на самом деле»*.

Он засмеялся. Не понимаю, что здесь смешного, но все равно смеюсь вместе с ним, при этом чувствуя себя круглой душой.

– Я обдумывал несколько идей, а потом решил, что хочу построить курорт, куда моя семья и друзья могли бы приезжать и веселиться. Почему бы и нет, верно? В этом преимущество быть неприлично богатым.

Официант избавляет меня от необходимости отвечать, принеся наше шампанское. Трудно представить, как этому парню удалось очаровать мою маму... О, да кого я обманываю? В свои двадцать шесть лет я живу как старая дева, и мама отдала бы меня любому парню, у кого есть хотя бы пульс. Я уже так нервничаю, что делаю глоток шампанского прежде, чем Джейк произносит:

– Твое здоровье.

– Точно, извини. Выпьем.

Мы чокаемся бокалами, и я осушаю свой. Чтобы пережить этот вечер, мне понадобится много шампанского.

Может быть, дело в шампанском, а может, в том, что еда в ресторане превосходная, но, что бы это ни было, во время ужина я понимаю, что на самом деле хорошо провожу время. У Джейка есть привычка делать маленькие неприятные намеки на то, насколько он богат – «настолько богат, что,

когда я потею, с меня капают бриллианты», – но кроме этого, у него действительно хорошее чувство юмора, и он, кажется, искренне заинтересован во мне, что стало приятным сюрпризом. Обычно моя работа мужчин особо не интересует; на самом деле, большинство из них думают, что, раз я кручусь в свадебной индустрии, то тороплюсь выйти замуж. Но правда в том, что работа в свадебной индустрии – верный способ отбить у меня какое бы то ни было желание выходить замуж.

Когда я говорю об этом Джейку, он смеется:

– Возможно, ты просто еще не встретила подходящего парня.

Мое сердце сжимается, а улыбка гаснет. «Дело не в том, что я не встретила подходящего парня, – хочется мне сказать. – Дело в том, что я встретила его и знаю, что никто другой с ним не сравнится». Но мне хватает здравого смысла, чтобы не ляпнуть этого. К тому же, прошло четыре года с тех пор, как мы с Нейтаном расстались, и мне очень нужно забыть его. Я уверена, что быть зацикленной на бывшем четыре года считается если не жалким, то, по крайней мере, почти жутким.

– Ты, наверное, встречаешь так много брайдзилл¹⁶, – говорит Джейк.

– Вообще-то, невесты в основном нормальные, за исклю-

¹⁶ Брайдзилла (от bride «невеста» и godzilla) – одержимая подготовкой к свадьбе невеста, которая всем выносит мозг.

чением одной или двух. Удивительно, но именно с женихами сложнее работать.

– Правда? Трудно в это поверить. Разве невесты не чаще просят тебя отфотошопить их, чтобы они выглядели стройнее, или что-то в этом роде?

Я пожимаю плечами, делая еще один глоток шампанского.

– Конечно, иногда. Но сделать кого-то хуже легко. Знаешь, что действительно сложно? Когда женихи просят меня сделать их выше. Я могу сделать их более накачанными, но рост – это настоящая мука.

О-о-о, я слишком близко подошла к разглагольствованию на мою любимую тему: грумзиллы¹⁷. Их так много, но по какой-то причине именно у невест всегда плохая репутация.

– А что насчет тебя? Ты, должно быть, часто имеешь дело с конфликтными клиентами.

– Нет, у меня есть люди, которые разберутся с ними за меня. Вот почему у нас целая команда по работе с клиентами, понимаешь?

Он снова смеется, что меня начинает раздражать. Я выпиваю еще шампанского.

К тому времени, когда мы заканчиваем с ужином, я уже достаточно навеселе, чтобы понять, что мне, вероятно, не стоит самой ехать домой.

– Я собираюсь вызвать «Лифт»¹⁸, – говорю я ему, доставая

¹⁷ Грумзилла – придирчивый жених.

¹⁸ Служба такси в Лос-Анджелесе.

свой телефон и с некоторым огорчением замечая, что заряда батареи осталось на четыре процента.

– Что? Нет. Давай я тебя отвезу. Дай мне свои ключи.

– Ничего страшного, правда. Я вызову «Лифт», а за своей машиной вернусь утром.

– Парковка открывается в восемь утра. Разве ты не говорила, что тебе нужно быть в порту завтра к восьми тридцати? Ты не успеешь.

Я ругаюсь про себя. Он прав. Мне понадобится моя машина рано утром. Черт меня побери! Ну зачем было идти и напиваться?

– А как же ты? Разве тебе утром не понадобится машина? Я не хочу, чтобы все остановилось из-за того, что ты из-за меня опоздал.

– У меня есть другие машины, на которых я могу поехать, а работа в отеле налажена достаточно хорошо, чтобы он не развалился только из-за того, что я опоздал на несколько часов. Завтра мы, вероятно, будем нечасто сталкиваться. Я буду в основном работать за кулисами, – отвечает он легко, протягивая мне руку.

Я не вижу выхода из этого положения. Если я продолжу отказывать ему, он обязательно обидится, и тогда прощайте наши большие свадебные выходные. Можно, конечно, надеяться, что он достаточно профессионален, чтобы не позволить неудачному свиданию помешать бизнесу, но могу ли я рисковать самым большим заказом для моей семьи в этом

году? И в любом случае, это просто поездка домой. Ничего особенного. Я живу с мамой, так что, если он попытается напроситься зайти, я всегда смогу использовать ее как оправдание.

Пока ищу ключи от машины, я нащупываю тяжелый электрошокер, который ношу с собой повсюду. Мне реально стоит перестать таскать его: он тяжелый, громоздкий, и, вероятно, я выгляжу как параноидальная идиотка. Тем не менее, когда я передаю ключи от моей «Субару», то не могу не радоваться, что он у меня есть. А потом чувствую себя глупо из-за того, что испытываю облегчение.

Джейк кладет руку мне на поясницу, пока мы идем по парковке, что кажется ужасно откровенным, но, опять же, я не чувствую себя достаточно комфортно, чтобы попросить его остановиться. Когда мы садимся в машину и закрываем двери, тишина – это все, о чем я могу думать. Я слышу каждый наш вдох и выдох, и даже биение собственного сердца. Но затем Джейк заводит машину, и из колонок начинают играть «Марун Файв». Я немного расслабляюсь. Он ободряюще улыбается, пока регулирует зеркала. Я улыбаюсь ему в ответ. Все хорошо. Не успею оглянуться, как буду дома, и завтра, когда мы увидимся, будем дружелюбны, милы и абсолютно профессиональны.

Все в порядке.

– Было весело, правда? – спрашивает он, выезжая с парковки на темную улицу.

Уже поздно, и, хотя мы на главной дороге, машин почти нет. Джейк смотрит на меня, и я киваю.

– Да, супер-весело. – Супер-весело? Мне что, пятнадцать? – Я правда хорошо провела время, – добавляю, хотя это немного преувеличено, но думаю, что в целом я неплохо провела время.

– Я тоже. Ты классная девушка, Мэдди.

Он подмигивает мне и затем – о боже – протягивает руку и кладет ее на мое колено.

Я отодвигаюсь к окну, но его рука остается там, и ее тепло распространяется вверх по моему бедру. Ну же, чувак, это универсальный знак *«Убери свою чертову руку с моей ноги!»* Ладно, я не могу. Не могу этого сделать. Даже ради семейного бизнеса. Простите, мама и тетушки.

Сердце колотится, когда я осторожно стряхиваю его руку со своей ноги, как будто это хомяк, с которым нужно обращаться осторожно. Джейк смотрит на меня и ухмыляется.

– Значит, ты хочешь поиграть, да?

В моем животе поднимается тошнотворное чувство.

– Эм... – Соображай быстрее, Мэдди. – Думаю, теперь я чувствую себя хорошо. Ты можешь просто остановиться прямо здесь, и я сама доеду до дома.

– И ты оставишь меня одного неизвестно где? – дуется он.

– Я вызову тебе «Лифт» и подожду здесь с тобой, пока не приедет машина. Я действительно не хочу тебя беспокоить, и завтра будет такой длинный день для нас обоих...

Он смеется.

– Боже, какая ты милая.

То, как он это сказал, совсем не походит на комплимент. Это прозвучало грязно, словно он говорит о перезрелом персике, в который ему не терпится вонзить зубы. Джейк сворачивает в переулок, и Лос-Анджелес как будто остается где-то позади. Тут темно, и даже деревья выглядят угрожающе, и в поле зрения нет ни одной машины или человека.

– Останови машину, – прошу я, и мой голос срывается от страха. – Остановись сейчас же!

Вместо этого Джейк ускоряется. Я бросаюсь к двери, но она заблокирована, и даже сквозь панику понимаю, что мы едем слишком быстро, чтобы я могла выпрыгнуть. В лучшем случае, я сломаю руку. В худшем – умру.

О боже.

Ко мне приходит тошнотворное осознание. Я и правда могу умереть этой ночью. Желчь поднимается по пищеводу. Я не могу сказать, сколько времени сижу в застывшем положении, пока мы мчимся все дальше от цивилизации. Я больше не узнаю виды за окном. Снаружи только то, что больше похоже на заброшенные заводы. Меня некому спасти.

– Успокойся, Мэдс. Эй, мы же просто развлекаемся, верно? – Он смотрит на меня и улыбается. – Не будь такой дразнилкой, я знаю, что ты не скромница. Те сообщения, которые ты мне присылала... Глубоко внутри ты грязная девчонка. Поэтому я расскажу тебе, как все будет происходить. Мы

найдем хорошее местечко и устроимся поудобнее...

Электрошокер стреляет и попадает ему прямо в шею. Джейк начинает дергаться. Машина виляет в сторону. Я открываю рот, чтобы закричать. Темнота.

Младший курс, шесть лет назад

– Это нереально, – вздыхаю я, глядя в окно самолета.

– Да.

Я смотрю вниз на свою руку, вложенную в руку Нейтана. Она выглядит такой крошечной в его огромной лапе. Он сжимает ее, и мы улыбаемся друг другу. Вот черт, я действительно это делаю. Примерно через десять часов мы приземлимся в лондонском аэропорту Хитроу, где нас встретят его родители. Боже мой. Я не могу сдержать своего волнения.

– Перестань волноваться.

– Я не волнуюсь.

– Хорошо, скажи своему лицу перестать волноваться.

Я заставляю себя улыбнуться, но получается гримаса.

– Это самая странная улыбка из всех, что я видел, – говорит он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня. – М-м-м, мне нравится, когда я целую твои зубы.

Это вызывает у меня смех и заставляет чувствовать себя немного лучше. Но не сильно. Потому что, **ЧЕРТ ВОЗЬМИ**. Я лечу в самолете с Нейтаном! На пути к знакомству с его семьей! Ради всего святого! В Англию! Кто бы мог подумать?

– Эй, а как так получилось, что у тебя нет британского акцента?

Я никогда не задумывалась об этом, но теперь, когда мы уже на пути в Лондон, понимаю, что у Нейтана американский акцент.

– Это потому, что мои родители часто переезжали, когда я был маленьким, поэтому меня всегда отдавали в международные школы. Даже в Англии. Так легче переводить мои оценки. Ты хочешь, чтобы я говорил с британским акцентом? Я могу сделать это для тебя, милая.

– О боже. Ладно, ты не можешь быть еще привлекательнее. – Я вздрагиваю, и Нейтан смеется.

– Кстати, я подарил Селене эйрподсы, о которых она мечтала на Рождество. Подписал их от нас с тобой.

Я тарашусь на него.

– Серьезно? Это так щедро с твоей стороны. – Я подарила ей набор увлажняющих средств, купленных в специализированном интернет-магазине.

– Да ладно, ведь все это было бы невозможно без ее по-

мощи.

– Правда.

За последние два года Селена много раз приезжала ко мне в гости по выходным. Она пользуется успехом в моей семье; мои тети говорят, что она дочь, которую они хотели бы иметь (привет, а как же я? Но неважно), а мама говорит, что она та сестра, которую хотела бы для меня, с чем я вынуждена согласиться. И когда Нейтан пригласил меня к себе домой на Рождество, Селена подарила мне лучший подарок, который только можно было придумать. Она сказала маме, что хочет, чтобы я поехала с ней в Северную Калифорнию на Рождество, и мама согласилась без колебаний, так как Рождество в моей семье не празднуют.

Нейтан достает из рюкзака свой планшет и устанавливает его на наш столик с подносом.

– Я загрузил «Бессмертных» для полета.

– О, ты просто находка, Нейтан Чен.

– Я полагал, что снимки Генри Кавилла топлес помогут отвлечь тебя от встречи с моими предками.

Я закатываю глаза.

– В «Бессмертных» слишком много сисек, чтобы строить из себя самоотверженного.

– Правда. – Он смеется, а затем наклоняется ко мне и понижает голос. – Но твои – мои любимые.

Я шлепаю его по руке, но, честно говоря, вроде как ухмыляюсь. Он притягивает меня ближе, чтобы я могла положить

голову ему на плечо, и мы устраиваемся смотреть фильм. В какой-то момент мы оба засыпаем. Когда стюардесса будит нас спустя несколько часов, я, к своему огромному ужасу, обнаруживаю, что мою шею защемило под странным углом.

– О, нет. Нет, нет.

Я пытаюсь повернуть голову, но боль пронзает мой позвоночник, и я пишу. Нейтан потягивается, зевая.

– Что случилось, коротышка?

– Я неудачно заснула, и теперь моя шея отказывается поворачиваться.

Он смотрит на меня, а затем разражается смехом.

– Ты что, втайне девяностолетняя старуха?

– Не оскорбляй меня, малыш. Мне всего восемьдесят семь. Уф. Я не могу встретиться с твоими родителями в таком виде! – Я яростно машу рукой, показывая на свою склоненную голову.

– Успокойся. Иди сюда. – Нейтан кладет руку на мою шею и начинает ее массировать.

– Ой, ой, ах. – Не могу решить, больно это или чертовски приятно.

– Перестань дергаться.

– Пожалуйста, пристегните ремни безопасности и повернитесь лицом вперед, – укоризненно напоминает нам стюардесса.

Мы делаем то, что нам сказали. Несмотря на все усилия Нейтана, моя шея все еще болит. Всякий раз, когда это слу-

чается, мне обычно приходится ждать, пока я засну, чтобы вернуть шее нормальную гибкость. Итак. Я действительно собираюсь встретиться с его родителями с наклоненной головой. Ладно, в этом совершенно ничего страшного. Я совсем не волнуюсь по этому поводу. Как только мы выходим из самолета, Нейтан снова пытается размять мою шею и плечи.

– Хорошо, это будет весело. – Он смеется, когда я пытаюсь слегка ударить его, и ловит мой кулак, после чего целует его. – Это так мило, когда ты бьешь меня своей крохотной ручкой. Все будет хорошо. Они полюбят тебя так сильно, что не позволят тебе вернуться в Штаты.

И, несмотря на кривую шею, он прав.

Как только мы забираем чемоданы и заходим в зал прилета, раздается крик, и вдруг его родители оказываются прямо там. Его мама, красивая высокая блондинка, быстро обнимает меня, а его отец, азиат, который выглядит, как, по моим представлениям, будет выглядеть Нейтан лет через тридцать, обнимает меня так же неловко, как часто делают мои мама и тети.

– О, как приятно видеть вас двоих здесь, – говорит его мама.

– Здравствуйте, миссис Чен.

Она фыркает:

– Зови меня Энни, не надо этой миссис Чен. А это Крис. Она показывает на отца Нейтана, который улыбается мне.

– Все в порядке, сынок? – спрашивает Крис.

– Хорошо, папа.

Ха. Нейтан все-таки говорит с британским акцентом.

Когда мы выходим на улицу, я задыхаюсь от резкого, неумолимого холода, который проникает сквозь мою толстовку. Нейтан достает куртку, которую взял для меня и которая примерно на три размера мне велика, но она очень теплая и пахнет им.

Поездка из Хитроу в Оксфорд занимает почти два часа, и к тому времени, как мы выезжаем на шоссе – или автостраду, как ее здесь называют, – я измождена. Хотя Крис и Энни очень приятные, они настолько отличаются от мамы и тетюшек, что я постоянно нахожусь в напряжении и на взводе, отчаянно пытаюсь произвести наилучшее впечатление. Разговор с ними несколько скован, и я не могу понять, все ли английские семьи такие, все ли они используют такие слова как «прекрасный» и «восхитительный» вместо того, чтобы кричать и махать руками, как это принято в моей семье.

Это только укрепляет решение, которое я приняла, – держать Нейтана от моей семьи как можно дальше. Что становится все труднее и труднее. Нейтан хочет познакомиться с мамой. И со всеми моими тетями. Это единственное болезненное место в наших в остальном идеальных отношениях. Я так переживаю, что он может считать, будто я стыжусь его и поэтому до сих пор не познакомила со своей семьей. Он как-то спросил, почему бы мне не взять его с собой домой

на выходные. Тетушки с мамой были бы в восторге. А они были бы, если бы знали о нем.

Но.

Меня удерживает даже не столько огромная разница в наших семьях. Всю свою жизнь я следую маминым правилам. Я даже решила остаться в Лос-Анджелесе ради нее. Я люблю маму, но также хочу жить отдельно от нее. Но даже мысль об этом вызывает у меня дрожь: это похоже на предательство. Но я хочу. Я ужасный, эгоистичный человек и знаю, что мне нужно похоронить эту часть себя. Потому что после колледжа мне придется вернуться домой, быть с мамой.

А пока я хочу, чтобы Нейтан был только со мной. Я хочу удержать его как можно дальше от мамы и моих тетушек. Если это эгоистично, то позвольте мне быть эгоистичной, только сейчас, пока мы не закончим колледж. Я не хочу, чтобы его поглотила моя шумная, властная семья. Не хочу, чтобы он видел меня такой, какая я с ними: тихая и доброжелательная. Я хочу, чтобы он видел меня настоящую – ту, что в кампусе, где я могу быть собой: свободной, саркастичной и ершистой. Вызов вместо тени. Еще, конечно, существует проклятие. Что, если, когда я приглашу Нейтана домой, оно найдет меня еще раньше, чем мою маму и тетушек? Я пыталась объяснить ему, почему держу его вдали от моей семьи, но каждый раз все заканчивается спором, и Нейтан в итоге остается обижен и разочарован.

Дом его родителей достоин журнала по дизайну интерье-

ра. На самом деле, он был представлен в журнале «Дом и Сад», как сказал мне Нейтан, когда я открыла рот, как только мы вошли.

Нейтан ведет меня наверх, в свою спальню, и я поражаюсь, как здесь все опрятно и со вкусом обставлено. Комната выдержана в темно-синей цветовой гамме, и я могу представить, каким аккуратным ребенком он был, потому что все находится на своих местах. Я вспоминаю свою собственную комнату в Сан-Габриэле и как буквально в прошлые выходные нашла забытую кружку для кофе, в которой выросли настоящие грибы. Даже не плесень, а полноценные грибы, с ножками, шляпками и всем остальным.

– Итак, это дом моего детства и моя семья, – говорит Нейтан, опуская наши сумки на ковер. – Ты в порядке? Извини, я знаю, их может быть слишком много.

– Ты шутишь? Твои родители потрясающие. И твой дом потрясающий.

«Совсем не как мой», – хочу сказать я, но не говорю, так как, честно говоря, мне неловко. Мама и тети практически барахольщицы. Они говорят, это связано с тем, что они выросли в бедности. В ванной комнате, например, стоит не менее двадцати семи бутылочек крема для лица. Я знаю это, потому что пересчитала их, когда мне было пятнадцать, и эта куча не сдвинулась с места за последние пять лет. Они все почти пустые.

Когда я спросила маму, почему она их не выбрасывает,

она сказала: «Может быть, однажды мне понадобится один из них, и что тогда?» Но, думаю, та, кто вырастила грибы в чашке из-под кофе, не может судить ее.

Нейтан обхватывает руками мою талию, и его пальцы оказываются под моей рубашкой. Я вздрагиваю, когда он касается кожи.

– Эй, ничего такого, не сейчас. Твои родители внизу, – предупреждаю я, шлепая его по руке.

Он ухмыляется и целует меня.

– Я ничего не делаю, – говорит он между поцелуями. – Мне просто нравится прикасаться к тебе здесь.

Его руки скользят по моей спине, прижимая меня к нему.

– У тебя озабоченное лицо, – говорю я.

– И как же выглядит мое возбужденное лицо?

Я отклоняюсь назад, пытаюсь изобразить его, и Нейтан раздражается смехом.

– Серьезно? Если мое возбужденное лицо выглядит так, то почему ты вообще начала спать со мной?

– Из жалости. – В следующее мгновение я визжу, потому что он ловит меня и закидывает на плечо, как будто я мешок картошки. – Не заставляй меня пукать, когда моя задница прямо у твоего лица!

– Я рискну.

Нейтан смеется, но потом осторожно опускает меня на свою кровать и снова целует, на этот раз медленно и глубоко. К тому моменту, когда он останавливается, я уже задыхаюсь

и хочу его. Он прижимает свой лоб к моему:

– Я так рад, что ты здесь.

– Я тоже.

Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться, а затем задыхаюсь, когда он начинает слегка посасывать мою шею. Может быть, дело в том, что мы были друзьями до того, как начали встречаться. Что бы это ни было, Нейтан, кажется, точно знает, чего я хочу и как. Каждое его прикосновение вызывает привыкание, его запах пьянит. Это странно – обнаружить, что мы совместимы не только как друзья. Вскоре рубашки расстегнуты, джинсы стянуты, и мы оказываемся в нижнем белье, и прикосновение его кожи к моей так приятно, так хорошо, что все мое тело покраснелось. Мы делали это, наверное, уже около сотни раз, но все равно, когда Нейтан снимает с меня лифчик и моя грудь обнажается перед ним, он делает это с благоговением, а его дыхание становится медленным и нежным.

Как всегда, мне приходится бороться с инстинктом, чтобы прикрыть грудь, но Нейтан так нежен, наклоняясь, чтобы поцеловать мою линию челюсти, шею, грудь, прежде чем дойти до моего соска, что я улетаю. Забываю все: проклятие, маму и тетюшек, даже свое имя.

Я зарываюсь пальцами в его волосы, и остаемся только мы с Нейтаном. Остается только Нейтан. Рот Нейтана, пальцы Нейтана, тело Нейтана. Первый раз был немного неловким и длился всего четыре минуты. Но к этому времени мы нашли

ритм, который вытесняет все мысли из моей головы и превращает меня в существо, нуждающееся в помощи. И когда наши глаза встречаются, никто из нас не отводит взгляда до последнего вздоха.

Позже, лежа рядом с ним в постели, я кое-что понимаю. Мы вместе уже почти два года, и он первый, кому я все рассказываю: когда я забираю свои фотографии, когда нам задают ужасную курсовую, когда ведущий клуба фотографии говорит какую-нибудь глупость, что происходит постоянно. И он делает то же самое, рассказывая мне каждую интересную деталь о своих занятиях по экономике, делится мечтами о том, что в будущем у него будет шикарный отель, даже рассказывает мне о том, сколько веса он поднимает в тренажерном зале. Думаю, последнее – его способ выпендриться, но я не возражаю. Мне нравится, что Нейтан хочет произвести на меня впечатление, потому что я тоже хочу произвести на него впечатление. И он действительно впечатляет меня. Даже после двух лет, в течение которых было много пуканья (не только попой) и неловких эпизодов в спальне, я все еще считаю Нейтана чертовски впечатляющим. Я люблю его. И хочу жить с ним.

К черту семейное проклятие. Это не имеет значения. Я в Оксфорде в Англии. Это место, где проклятия умирают. Я чуть не смеюсь вслух от этой мысли. Никогда не задумывалась о том, как сильно вера в проклятие тяготила меня, но теперь понимаю, что всегда чувствовала, как оно таится

за моей спиной, думала, как оно тяготит меня и заставляет ощущать себя старухой. Но это было глупо. Зачем прокли-
нать отношения, если в них нет ничего плохого? Я сделала
свой выбор.

Когда я вернусь домой, расскажу маме о Нейтане. Я рас-
скажу ей все. Расскажу даже своим тетям. Я расскажу им все
за воскресным походом в димсам-ресторан, ведь они всегда
счастливы, когда едят там. Они легко все примут.

5

Сегодняшний день

– Че-е-ерт.

Боль. Ее так много, что она проникает в кости, сдавливая грудь яростным огнем, а затем вырывается из меня в виде стоны, и звук моего голоса, такого хриплого от боли, что кажется чужим, возвращает меня назад. Я моргаю. И снова моргаю.

Точно. Я в своей машине. Не в Англии с Нейтаном. В моей машине. Свет мигает где-то сбоку от меня. Это сигнал поворотника, издающий адский щелкающий звук. Я протягиваю руку, чтобы выключить его, и от этого движения в груди вспыхивает боль.

– Господи.

С последней героической попыткой мне удастся нажать на переключатель сигнала поворота.

Сладкая, благословенная тишина. Я смотрю вниз, не смея повернуть голову слишком сильно. Ремень безопасности впивается мне в грудь. Сглотнув, слегка отодвигаюсь назад, все еще не зная, сломано ли что-то или нет. Движение назад немного ослабляет сдавливающее ощущение в груди. Я делаю небольшой вдох, затем еще один, более глубокий. Больно, но не так сильно. Ребра ушиблены, но не сломаны. Я издаю дрожащий смех. Невероятно. Я в порядке. Я...

Я поворачиваюсь и с трудом подавляю крик, подбирающийся к горлу.

Джейк!

– О боже, – стону я. – Джейк... – мой голос срывается.

Каждый вопрос, который появляется в моей голове, кажется таким глупым, таким ненужным. «Ты в порядке?» Очевидно, что нет, не тогда, когда он лежит лицом на приборной панели в таком состоянии. «Ты... мертв?» Я снова стону. Боже мой. Я думаю, да. Из его проклятого уха течет кровь, струясь вниз по шее и пачкая воротник рубашки. Почему-то именно эта маленькая деталь – растущее пятно крови на его белом поло – поражает меня осознанием. Он мертв. Я убила его.

Мои панические судорожные вздохи наполняют тишину в машине. Я дико оглядываюсь по сторонам.

– Помогите, – шепчу я. Но никого не видно. Улица пу-

стынна. Я даже не знаю, где нахожусь. Отстегиваю ремень безопасности, открываю дверь и выскакиваю из машины, едва успеваю ступить на тротуар, как мой ужин оказывается на земле.

В моей машине мертвый человек. Мужчина. Мертвый. На водительском сиденье моей «Субару». Это совсем не характерно для «Субару». «Субару» – это не машины для убийц. Другое дело – джип «Вранглер». Или, гм, эти белые фургоны без окон, кто бы их ни делал. Кто вообще их производит? Я имею в виду, это жутко...

Сфокусируйся!

Я издаю всхлип. Нет. Не могу сейчас начать паниковать. Если я начну плакать, то никогда не остановлюсь. Что мне делать?

Полиция.

Да. 911. Точно.

Я открываю заднюю дверь и залезаю внутрь, стараясь не обращать внимание на тело Джейка. Сосредотачиваюсь на поиске сумочки. Вот он. Сотовый телефон.

Ничего не происходит, когда я нажимаю на кнопку включения. Я вздыхаю от огорчения. Нет, пожалуйста.

Батарея села. Я тяжело вздыхаю и тянусь к карману Джейка. Может быть, его телефон лежит там. Я так сильно скрежещу зубами, когда кончики моих пальцев касаются его брюк, что чуть не ломаю коренные зубы.

Пусто.

Мысль о том, чтобы шарить в его штанах в поисках телефона, вызывает тошноту.

Хорошо. Это нормально. Это совершенно и абсолютно нормально. Я просто... Я подожду здесь, пока не проедет какая-нибудь машина.

Вот только... Только вот бог знает, сколько мы здесь стояли, и никто не проехал. Вокруг нет ни домов, ни магазинов, ничего, что могло бы указать на присутствие людей вокруг меня. Фабрики выглядят так, будто закрыты годами: многие окна разбиты, и они совершенно безмолвны. Я не могу ждать так долго. Не могу этого вынести. Я оглядываюсь на машину. Невероятно, но несмотря на то, что врезалась в дерево, она выглядит в основном нормально. Капот помят, и есть большая трещина, идущая вверх по одной стороне лобового стекла, но, кроме этого, она выглядит пригодной для езды.

– Нет, – бормочу я про себя. Я не могу на ней ездить. Не в последнюю очередь потому, что на водительском сиденье мертвый парень.

Тогда перетащи его.

Все мое тело застывает при мысли о том, чтобы снова прикоснуться к нему. Но мой разум, как дикий зверь в клетке, бросается на прутья и шипит. Мне *нужно* выбраться отсюда. Я не могу оставаться тут, надеясь, что кто-нибудь проедет мимо и остановиться.

Делая неглубокие вдохи, я открываю дверь со стороны во-

дителя и вскрикиваю, когда тело Джейка падает на тротуар. О боже, этого я точно не ожидала. Подождите. Мне надо проверить пульс. Или нет? Он явно мертв. Да, да, я должна. Слегка хныча, я прижимаю дрожащие пальцы к его запястью. Мне удастся удержать их там в течение двух секунд, прежде чем отдернуть руку и яростно вытереть ее о рубашку. Мертв. Мертвее мертвого. Я делаю еще один глубокий вдох, обмахиваю лицо, пытаюсь потушить пламя на щеках, а затем протягиваю руку и хватаю Джейка за руки.

Он еще теплый. Ужас. Почему-то это делает все намного хуже. Желчь рвется вверх, но я стискиваю зубы и тяну изо всех сил. На работе я постоянно таскаю на себе две тяжелые камеры и разные объективы в течение десяти часов подряд – просто ад для моей спины и плеч, – и поэтому мне приходится усердно тренироваться. Так что я делаю все возможное, чтобы увеличить свою силу и выносливость. Я даже раскошелилась на еженедельные занятия с Диной, лучшим персональным тренером, которого может предложить мой тренажерный зал.

Это означает, что, когда я тяну, тело Джейка двигается на удивление легко. Дина бы гордилась. Ладно, Дина бы точно не гордилась тем фактом, что я могу двигать восьмидесятикилограммового мужчину, которого убила. И почему я вообще думаю о Дине прямо сейчас? «Потому что, – рассуждает мой разум, пока я тащу Джейка по тротуару к задней части машины, – тебе нужно думать о чем угодно, только не

о «Срань господня! Черт, я перетаскиваю труп!»

Куда? Куда мне его перевезти? Я не могу оставить его здесь. Это слишком жестоко. Но я не могу смириться с мыслью, что тело — он — будет лежать на заднем сиденье моей машины, пока я за рулем. Я смотрю на багажник. Хорошо. Багажник.

В конце концов я беру толстовку, которую держала на заднем, и натягиваю ее на его лицо. Джейк был засранцем, когда был жив, но теперь, когда он мертв, я чувствую необъяснимую потребность относиться к нему с уважением. Мне понадобится столько терапии, чтобы пережить это.

Как только я захлопываю багажник и Джейк исчезает из виду, я чувствую себя немного лучше. Теперь все под контролем. Под контролем? Кого я обманываю? В моей машине труп! Я качаю головой. Давайте не будем заикливаться на этом. Вздвогнув про себя, я усаживаюсь за руль. Пожалуйста, заводишь, пожалуйста...

Двигатель оживает, как только я поворачиваю ключ. Мое дыхание вырывается со свистом, и я беру паузу, чтобы успокоиться. Или, во всяком случае, попытаться. Я просто буду ехать, пока не найду телефон-автомат, а потом позвоню в 911. Точно.

Я медленно сдаю назад, морщась от скребущего звука, который издает мой бампер по дороге. Наверное, мне стоит выйти и попытаться это исправить, но нет. Я реально не могу больше ни секунды находиться в этом проклятом месте.

Мое дыхание все еще вырывается глубокими паническими вдохами, пока я еду по дороге, и чем ярче становятся улицы, тем больше меня охватывает паника. Это безумие. Что я наделала? Положила тело в багажник своей машины. Что скажут полицейские, когда я им позвоню? Что бы я вообще сказала? Какого черта я это сделала? Какой здравомыслящий человек сделал бы такое?

Вопрос за вопросом атакует мой разум, пока крик не вырывается из меня, и в этот момент я понимаю: я не могу пойти в полицию. Они решат, что я виновна в убийстве, что я какая-то сумасшедшая убийца, и арестуют меня.

Вдалеке виднеется бензоколонка. Это мой шанс. Я могу остановиться там, броситься внутрь и умолять о помощи. Но моя нога упрямо давит на педаль газа, и я проезжаю мимо. Как будто подсознание овладело моим телом и заставляет его ехать дальше, не оглядываясь, пока я не выеду на шоссе 405. Я еду по нему, и сердце болезненно бьется при виде знакомого дорожного знака, голова пульсирует, когда я присоединяюсь к грузовику, мчащемуся по автостраде. Я еду по 405-й дороге с трупом в багажнике. Истерический смех вырывается наружу. Он звучит надтреснуто, слегка безумно. Слезы наворачиваются на глаза, когда я вижу указатель с цифрой десять. Так близко к дому. К безопасности. Комок застревает в горле. Впервые за много лет я не могу дождаться возвращения домой, к маме.

Третий курс, шесть лет назад

Сцена готова. Под сценой я подразумеваю, что наш стол в димсам-ресторане ломится под весом множества блюд, стоящих в центре, и я наливаю всем чаю. Теперь мне остается только... сказать им. Просто скажи им, Мэдди. Просто сделай это. Сделай это!

– Эм, так...

– У нас большое объявление! – говорит ма на китайском.

Ее глаза мерцают. Серьезно, они горят, словно рождественские огни. Ма хлопает в ладоши, как взволнованный ребенок.

– О? – Я сажусь поглубже, сердце колотится оттого, что меня чуть не стошнило при мысли, что сейчас я расскажу о

Нейтане. Успокойся, сердце. Я попробую снова сказать им после их большого объявления.

Мама кивает своей старшей сестре, которая царственно выпрямляется и прокашливается.

– Мы решили создать семейный бизнес.

– Хм. Хорошо... вау. Это грандиозно. – Мои мысли поплыли. Какой бизнес они могли бы организовать?

– Все мы, – говорит старшая тетя, и на этот раз вторая тетя не противоречит ей. Они все улыбаются и смотрят на меня.

– Хорошо...

Почему они так смотрят на меня? От ужаса мой желудок сжимается. Боже мой, вот где они говорят мне, что использовали дом в качестве залога под кредиты, которые они взяли для этого таинственного бизнеса. Или, может быть, этот бизнес – торговля кокаином. Или мужской трафик. Ух ты, какого я низкого мнения о своей семье.

– Что за бизнес? – спрашиваю я, когда не могу больше терпеть ожидание.

– Свадьбы! – восклицает четвертая тетя, с энтузиазмом вскидывая руки вверх.

Старшая тетя хмуро смотрит на нее.

– Я как раз собиралась сказать это Мэдди, – ругается она.

– Извини, – произносит четвертая тетя, ничуть не выглядя сожалеющей.

– Свадьбы? – хмурюсь я.

– Да, – отвечает старшая тетя. – Я буду делать свадебные

торты. Я уже делаю большие торты на дни рождения, очень хорошие.

Я медленно киваю, вспоминая огромные праздничные торты старшей тетушки. Она действительно делает хорошие торты, этого нельзя отрицать. Но другие...

– Я буду делать макияж и прическу невесты, – говорит вторая тетя. – У меня так много постоянных клиентов в салоне. Если я уйду, они все пойдут за мной.

– На мне букеты и оформление цветами, – говорит ма.

– А я буду развлекать! – завершает четвертая тетя. – У меня так много поклонников в азиатском сообществе, вы знаете. Без сомнения, они захотят нанять меня в качестве свадебной певицы.

Ма закатывает глаза и произносит громким шепотом:

– Она просто увязалась за мной, за нами. Она член семьи, поэтому мы должны дать ей работу.

– И это говорит работник супермаркета с минимальной зарплатой, – бормочет четвертая тетя.

Они смотрят друг на друга до тех пор, пока старшая тетя не встает между ними и не произносит:

– И, Мэдди, милая Мэдди.

Все взгляды устремляются ко мне, и я сжимаюсь в кресле.

– Да? – пишу я.

– Ты будешь фотографом.

У меня перехватывает дыхание. Думаю, я должна была это предвидеть. Конечно, они хотят, чтобы я была их фотогра-

фом. Это логично: в конце концов, я изучала фотографию. Но все же.

– Мне нужна минутка.

Я вскакиваю со стула и пробираюсь сквозь толпу, пока не оказываюсь за пределами ресторана. Делаю несколько глубоких вдохов и пытаюсь остановить кружащиеся в голове мысли. Я расстроена, но не знаю почему. Наверное, есть часть меня, которая сопротивляется и кричит: «Разве я не имею права выбирать, что делать со своей степенью?» Но потом, когда я останавливаюсь и думаю об этом, мне нравится идея заниматься свадебной фотографией.

Думаю, я в основном негодую по поводу того, что все они приняли это решение без меня. Глупо, верно? Я не должна злиться на то, что они приняли хорошее решение. И это правильное решение: они правы и могут преуспеть в этом деле. Букеты мамы великолепны. Старшая тетя обожает дни рождения, и у второй тети преданные поклонники в салоне. Что касается четвертой тети, ну, она считает себя знаменитостью, и у нее прекрасный голос. У нас может получиться.

И как только я думаю об этом, внутри пробуждается вдохновение. Мы можем это сделать. Это может стать для моей семьи способом переехать из того дрянного домика, в котором мы все теснимся.

Дверь в ресторан открывается, выплескивая шум наружу. Мама радостно замечает меня.

– Айя, почему ты вышла на улицу? Я искала тебя в туале-

те, но тебя там не было.

Затем она смотрит на меня и хмурится. Должно быть, она почувствовала, что я переживаю, потому что переходит с индонезийского на английский.

– Ты в порядке? Почему так грустно?

Тот факт, что она перешла на английский несмотря на то, что не владеет им в совершенстве, заставляет мой желудок сжиматься от чувства вины. Она уже и так пожертвовала многим ради меня, а я даже не могу общаться с ней на ее родном языке. Я заставляю себя улыбнуться.

– Я не грущу. Просто пытаюсь переварить всю эту информацию про семейный бизнес.

– Ах, да. Очень большое дело. Но если тебе не интересно, ничего страшного. Нам не нужен фотограф.

Я уставилась на нее.

– Но внутри вы, ребята, говорили «Мэдди, ты должна быть нашим фотографом».

– Да, конечно, мы хотим, чтобы ты была нашим фотографом. Ты самый лучший фотограф.

Я горько смеюсь.

– Ма, ты этого не знаешь. Я абсолютный новичок. И, наверное, все испорчу.

– Все в порядке, мы все новички. Мы начинаем медленно. Ты делаешь эту штуку, как она называется? Дух другого фотографа?

– Тень.

– Ах, да. Ты станешь тенью свадебного фотографа, сначала обучишься, а потом, когда закончишь учиться, сможешь делать это. Но если ты решишь, что нет, мне не нравится эта свадебная фотография, тогда не нужно присоединяться к семейному бизнесу, это нормально.

Я беру ее руки в свои. Ей тяжело говорить мне, что все в порядке, что мне не нужно присоединяться к ним, потому что я ясно вижу, как ей нравится идея о том, что мы все будем работать вместе.

– Я сделаю это, мам.

– Правда? – Она выглядит такой счастливой, что у меня разрывается сердце.

– Да, конечно. Изучу свадебную фотографию. Я хочу сделать это с вами.

– Ох, милая, – ма обнимает меня. Она обнимает меня не так крепко, как родители Нейтана, но это по-своему мило. – Ты делаешь свою маму такой счастливой.

Я обнимаю ее в ответ и закрываю глаза. Думаю, я расскажу им о Нейтане как-нибудь в другой раз.

Сегодняшний день

Я сижу в гараже и уже, кажется, несколько часов размышляю о том, как, черт возьми, моя жизнь вышла из-под контроля. И что я, черт возьми, вообще здесь делаю? Почему я дома, а не в полицейском участке? Возможно, еще не поздно. Возможно, я все еще могу пойти к копам и объяснить все. Они бы посочувствовали, вероятно. Но, когда я думаю о том, чтобы снова включить двигатель и выехать из гаража, чувствую, как энергия капля за каплей покидает меня. Я без сил прислоняюсь к рулю. Мне просто нужно побыть немного в таком положении. Набраться храбрости. Решить, что сказать полиции.

Резкий стук в окно заставляет меня подпрыгнуть так силь-

но, что я ударяюсь головой о крышу машины. Теперь я понимаю, что означают слова «выскочил из кожи».

– Что ты там делаешь? Ты пьяна? Эй, ты пьяная за рулем? – зовет ма через окно на индонезийском. Мое сердце колотится, и я открываю дверь машины.

– Ма, ты меня напугала!

Она хмуро смотрит на меня.

– В чем дело, Мэдди? Что случилось?

Я не собиралась ей ничего рассказывать. Конечно, не собиралась. Последний человек, которому я думала рассказать, это мама. Она бы не знала, что делать, или говорить, или...

– Ма, я убила его.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я слышу свои слова. Я убила его. Сколько еще раз мне придется это повторять?

– Убила его? Что убила? Ох, Мэдди, сколько раз я должна говорить тебе, не пей так много. Видишь, теперь ты несешь всякую чушь.

– Я убила его, ма. Джейка. Парня, с которым ты меня свела!

И с этими словами я, наконец, даю волю слезам, потому что произносить его имя ужасно. Это не просто тело в моем багажнике; это тело, которое когда-то было кем-то.

Мама обрывает свою болтовню на середине предложения. Ее рот закрывается, и она смотрит на меня некоторое время, после чего заговаривает на ломаном английском:

– Это то, что вы с Селеной любите говорить? Вы, дети, всегда говорите: «Ох, ты убиваешь меня!» Вот так, да?

– Нет! – кричу я. – Я имею в виду, что буквально убила его, ма!

Не зная, что еще сделать, я нажимаю кнопку на брелоке от машины. Багажник открывается с щелчком, который в нашем небольшом гараже похож на выстрел. Весь шум внезапно усиливается; я слышу свое собственное сердцебиение и резкий вдох мамы.

– Мэдди, – шепчет она, – это шутка, да? Ты просто шутишь со мной?

– Нет, ма, это не шутка.

Ма задыхается от смеха, а затем качает головой.

– Вы, дети, вы всегда думаете, что такие смешные. – Она грозит мне пальцем и идет к багажнику, все еще качая головой. – Моя дочка – такая шутница, такая... О! Боже мой! – она отшатывается, закрывая рот руками.

Я вздрагиваю.

– Мэдди, – шипит она. – Мэдди! Это не смешно. – Она переводит взгляд с меня на багажник. – Это искусственные ноги? Как ты это называешь? Маньякин?

Я качаю головой, и на глаза наворачиваются новые слезы.

– Нет, ма, это не манекен. Это действительно Джейк, клянусь.

Она издает звук, который напоминает что-то между воем и хныканьем, но затем на мгновение успокаивается и под-

ходит ближе к багажнику. Она снова хнычет, когда видит остальную часть тела. Я представляю, что она видит с того места, где стоит. Сначала обувь – коричневые мокасины, без носков, – потом ноги, туловище и наконец капюшон, закрывающий лицо.

– Почему ты закрываешь лицо? – спрашивает она. – Слушалось что-то ужасное, да? – Она вздрагивает. – Там что-то торчит из глаза? Айя, не говори мне, я не хочу знать. – Она снова вздрагивает, и ее лицо искажается в гримасе. – У него в глазу битое стекло?

– Нет, ма. У него ничего не торчит из глаза. Я просто подумала, что так будет, ну не знаю, более уважительно.

– О, – она кивает, – да, ты права, так более уважительно. – Она гладит меня по щеке. – Я так хорошо тебя воспитала.

Истерика поднимается к горлу, и мне приходится ее подавить. Поверить только, ма гордится моим воспитанием, когда я только что показала ей своего спутника, которого я убила, лежащего в багажнике моей машины.

– Я только что убила человека, так что не знаю, можешь ли ты говорить, что хорошо меня воспитала.

– О, он, должно быть, заслужил это.

Я прикусываю губу, чтобы не разрыдаться снова. Я так благодарна, что мне не нужно объясняться с ней.

– Хорошо! – говорит ма, выпрямившись и внезапно взяв себя в руки.

Она даже уже не дышит так тяжело. В ее глазах появил-

ся блеск, который я видела у нее за неделю до китайского Нового года, когда она сходила с ума и убиралась дома, как Мари Кондо¹⁹.

– Ты. Домой. Сейчас же. – Она захлопывает багажник и загоняет меня через заднюю дверь в дом.

Внутри она приказывает мне сесть за кухонную стойку. Я следую ее указаниям, слишком измученная и сломленная, чтобы спорить. И, как бы мне ни было неприятно это признавать, я рада, что она взяла все на себя, потому что не знаю, что, черт возьми, делать в этой ситуации. Поэтому я опускаюсь на стул, облокачиваюсь на кухонную стойку и закрываю лицо руками. Пожалуйста, пусть я проснусь и пойму, что все это был кошмар. В любой момент.

Передо мной ставят чашку чая.

– ТКМ, – говорит ма. – Выпей сейчас. У тебя слишком много ян, который разогрел твои органы. У тебя изо рта плохо пахнет.

Она выходит из кухни.

Я смотрю на ее удаляющуюся спину. Традиционная китайская медицина, серьезно? Кто бы мог подумать о неприятном запахе изо рта в этот конкретный момент? Тем не менее, я делаю глоток, и травяной чай действует на меня как эликсир, распространяя свое сладкое тепло по всему телу, вплоть до ледяных рук. Я делаю еще глоток, потом еще, и

¹⁹ Мари Кондо – японская писательница, специалист по наведению порядка в доме, консультант и автор четырех книг по организации домашнего быта.

вскоре допиваю всю чашку, чувствуя себя немного лучше.

Мама возвращается на кухню.

– Хорошо, я уже позвонила старшей сестре. Она будет здесь через несколько минут.

– ЧТО? – Я вскакиваю со стула. – Ма, о боже, не могу поверить, что ты это сделала.

На секунду она выглядит искренне растерянной, но потом ее лицо проясняется, и она смеется, отмахиваясь от меня.

– О, не беспокойся, не беспокойся, она сказала, что позвонит всем остальным и позовет их сюда, хорошо? Приедет не только твоя старшая тетя, ты не волнуйся, все твои тети тоже будут.

– ЧТО??? – кричу я и откидываю голову назад, уставившись в потолок. Этого не может быть. – Ма, это не... мы не должны рассказывать всем об этом!

– Не всем. Только твоим тетям.

– Это все!

– Мэдди, – говорит ма с укоризной. – Они семья. Это совсем другое.

– Это убийство! – выкрикиваю я. – Или, ну, не убийство, больше похоже на самозащиту, но все равно, ма, в моей машине мертвый парень. Это не то, чем делишься со всеми, даже если они члены семьи.

– Это именно то, чем делишься с семьей, – возражает ма.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что это именно то, чем делишься с семьей? Какими еще вещами, похожими на эту

ситуацию, вы, ребята, делились друг с другом?

Ма отмахивается от меня:

– Пойдем, поможешь мне нарезать манго для тетушки. Если у нас не будет никакой еды, получится не очень здорово.

– Серьезно, ма? Ты сейчас заботаешься о том, чтобы сохранить лицо? Я думаю, мы вроде как вышли за рамки этого, не так ли?

Она смотрит на меня, наклоняясь, чтобы открыть ящик для фруктов в холодильнике.

– Мэдди, как ты можешь так говорить? Твои тети придут так поздно ночью, чтобы помочь нам избавиться от тела, а мы даже не покормим их? Как ты можешь? О, у нас есть питайя, хорошо, хорошо. Любимый фрукт старшенькой. Ах, есть еще груша. Очень вкусная. Помоги мне их очистить, не будь такой грубой со своими тетями, ты навлечешь позор.

– О, точно, позор принесет отсутствие фруктов, а не труп в машине.

Но меньше чем через минуту я стою у кухонного острова с овощечисткой в одной руке и корейской грушей в другой, а в моей голове крутятся мысли: *«Буэээ, это так нереально. В моей машине лежит труп, а я стою здесь и чищу фрукты!»* По какой-то причине я продолжаю чистить и резать. И, полагаю, продолжу это делать, поскольку у меня нет идеи лучше.

Как только я заканчиваю резать огромную грушу, раздастся звонок в дверь.

– Иди, открой дверь, – говорит ма, нарезая последнюю питайю.

Я направляюсь к входной двери, все еще будто во сне. Я даже не знаю, что сказать моим тетям. «Спасибо за то, что вы пришли помочь разобраться с парнем, которого я убила?»

Но я избавляюсь от необходимости говорить что-либо, потому что в тот момент, когда я открываю дверь, старшая тетя треплет меня по щеке и говорит по-индонезийски:

– Моя дорогая Мэдди, все в порядке, не волнуйся. Иди садись, – а затем проходит мимо меня.

Вторая и четвертая тети следуют за ней, и каждая из них кудахчет:

– Не волнуйся, мы уже здесь, перестань плакать.

– Я не плачу...

Вторая тетя затихает, как будто отсутствие у меня слез является для нее личным оскорблением, после чего присоединяется к остальным на кухне. Оттуда доносится шум, но не из разряда «О боже, Мэдди сделала что?!», а скорее «Ого, драгонфрут! Тебе не стоило беспокоиться!» Я слышу, как ма выдвигает стулья и весело кричит тетям, чтобы они селись и съели немного манго.

– А Гуан дал мне целый ящик, когда вернулся из Индонезии. Целый ящик!

Сделав глубокий вдох, я беру себя в руки и прохожу на кухню.

– Мэдди! – кричит старшая тетя.

О боже, вот оно. Сейчас они начнут волноваться из-за тебя.

– Ты ела? – спрашивает старшая тетя. – Пойдем! Иди сюда и сядь, о, ты такая бледная. – Она встает со своего места.

Во мне как будто щелкает выключатель. Я непроизвольно спешу к ней и толкаю ее обратно на стул:

– Пожалуйста, старшая тетя, не беспокойся. Я принесу стул. Сиди и наслаждайся фруктами, хорошо? Могу я предложить тебе что-нибудь еще?

Боковым зрением я замечаю одобрение с маминой стороны, и от этого мне хочется громко смеяться и рыдать. Я имею в виду, серьезно? Я только что убила человека, а ее волнует, чтобы я уважительно вела себя со старшими.

Старшая тетя накалывает кусочек манго и откусывает немного.

– Ух, так вкусно. – Она откусывает еще кусочек и вздыхает. – Ничто не сравнится с индонезийским манго.

– Да, индонезийские манго самые сладкие, – говорит ма. – Кто-нибудь хочет травяного чая? Я заварила чайник для Мэдди, и у меня немного осталось.

– Нет, спасибо, я не верю в эту старомодную ТКМ, – говорит четвертая тетя.

Ма стреляет в нее взглядом:

– Традиционная китайская медицина – это настоящая медицина!

Она начинает свою обычную тираду о том, что ТКМ при-

знана лучшей медициной, чем западная.

Я застряла в кошмаре. Именно так. Возможно, у меня сотрясение мозга после аварии. Возможно, на самом деле я в коме, и мой коматозный мозг придумал этот странный сценарий, потому что не может быть, чтобы я на самом деле сидела тут, на кухне, и смотрела, как старшие тети едят манго, а мама и четвертая тетя спорят, пока Джейк лежит и остывает в багажнике моей машины.

Как раз когда я собираюсь закричать, старшая тетя кладет вилку с многозначительным стуком.

Все молча смотрят на нее.

– Итак, – говорит она, поворачиваясь ко мне и переходя на английский. За доброжелательными морщинами, которые я знаю так хорошо, что могу набросать их рисунок во сне, скрывается пронизывающий, как у орла, взгляд. – Расскажи старшей тете, что случилось. Начни с самого начала.

Я не колеблюсь. В старшей тете есть что-то такое, сочетание авторитета и материнской теплоты, которому никто не может отказать. Я чувствую себя такой виноватой за то, что они примчались сюда посреди ночи, чтобы помочь мне с трупом, что пытаюсь пересказать историю на индонезийском. Но не произношу ни одного предложения, потому что вторая тетя говорит мне, что от моего ужасного индонезийского языка у нее болит голова, и мне следует продолжать придерживаться английского. С некоторым облегчением я рассказываю им о моем свидании с Джейком, о том, как он настоял

на том, чтобы отвезти меня домой, и о том, что он сказал.

Мои тети и мама прикрывают в ужасе рты и качают головами.

– Как ты могла свести Мэдди с таким придурком? – упрекает ма четвертая тетя.

Лицо ма покраснело, как подошва «лабутенов».

– Он был таким милым в интернете! Идеальный джентльмен, даже приготовил теронг для меня... Э, для Мэдди.

– Что такое теронг? Это креветочная паста? – спрашиваю я.

– Тш, нет, – говорит ма, переходя на английский. – Паста с креветками – это тераси. Теронг – это баклажан.

Внутри меня что-то щелкает.

– Он хотел приготовить мне баклажаны? Это странно.

Ма яростно кивает:

– Вот почему я думала, что этот мальчик предназначен для тебя. Он даже знает, какая твоя любимая еда.

– Мне нужно посмотреть эти сообщения в чате.

Ма вынимает телефон из кармана, и все мои тети достают свои очки. Когда ма протягивает мне телефон, четвертая тетя выхватывает его у нее из рук.

– Эй! – кричит ма.

Четвертая тетя игнорирует ее и начинает листать страницы. Ее брови высоко поднимаются, почти исчезнув за линией волос, и она разражается истерическим смехом.

– Почему ты смеешься? Что смешного? – огрызается ма-

ма.

Все еще смеясь так сильно, что не в силах перевести дыхание, четвертая тетя подталкивает телефон ко мне. Я просматриваю сообщения, и... О. Мой. Бог. Все гораздо хуже, чем я думала.

Джейк1010Управляющийотелем: Привет
Мэделин Чен: Привет!

Я смотрю на ма в изумлении.

– Ты использовала мое настоящее имя на этом сайте? И это... – Я нажимаю на маленький значок рядом с моим именем, и он увеличивается, показывая мою фотографию.

– Я не знала, что надо было использовать вымышленное имя! Откуда я должна была это знать?

– Может быть, не стоило вообще притворяться мной и создавать фальшивый аккаунт? Я имею в виду, ради бога, посмотри, Джейк не загрузил ни одну из своих фотографий!

Ма выглядит такой обиженной, что я тут же жалею о том, что сказала.

– Прости, ма, я знаю, что ты просто хотела помочь.

Она слегка кивает, и я продолжаю читать.

Джейк1010Управляющийотелем: Мне
нравится твоя фотография
Мэделин Чен: Спасибо!! Ты такой милый!!

Я стискиваю зубы, пытаюсь снова не сорваться на ма. Сколько восклицательных знаков может использовать жен-

щина в одном ответе?

Джейк1010Управляющийотелем: Итак, свадебная фотография, да? Это, должно быть, интересно.

Мэделин Чен: О да! Очень интересно!!! Чем ты занимаешься?

Джейк1010Управляющийотелем: Как ты могла догадаться по моему нику, я владею отелями. Многими, на самом деле.

Мэделин Чен: Вау! Впечатляет!

Так продолжается некоторое время, Джейк хвастается, описывая в мельчайших подробностях каждый из отелей, которыми он владеет, а ма отвечает ему в самой двусмысленной форме, какая только возможна. Любой, кто прочитает это, может подумать, что я отчаянно ищу одобрения Джейка, но я знаю, что ма была просто вежлива. Она учила меня поощрять других говорить о себе, а затем находить хорошее в том, что они говорят, и выражать признательность. Я не могла сказать, был ли это китайский или индонезийский обычай, но, что бы это ни было, на Джейка подействовало. После нескольких дней переписки он отправил это сообщение.

Джейк1010Управляющийотелем: Мне так комфортно с тобой общаться, Мэдди.

Мэделин Чен: Мне тоже!

Джейк1010Управляющийотелем: Так трудно найти того, с кем я действительно на одной волне,

понимаешь? У меня такое чувство, что я знаю тебя очень давно.

Мэделин Чен: Согласна с тобой!

Джейк1010Управляющийотелем: Ну что, хочешь встретиться?

Мэделин Чен: Да! Я так рада, что ты спросил! Вчера мое тело не было таким вкусным, но сегодня уже лучше.

О. Боже. Боже. Не-е-ет. На индонезийском языке фраза *tidak enak badan* означает «плохо себя чувствую», но дословный перевод – «тело невкусное». Позади меня четвертая тетя продолжает хохотать, а остальные спрашивают:

– Что? Что смешного?

Я читаю дальше.

Jake1010Hotelier: О. Вау, хорошо. Черт, девочка, у тебя еще больше жажды, чем я думал.

Меделин Чен: Хаха! Нет, нет, не хочу пить! У меня есть много воды. Сейчас совсем мокрая.

Jake1010Hotelier: Вау. Черт. Если бы знал, я бы пригласил тебя на свидание раньше.

Меделин Чен: Вах! Откуда ты знаешь, что баклажаны – мое любимое блюдо?

Jake1010Hotelier: Так и есть, да? Ну, у меня есть очень большой для тебя.

Меделин Чан: О! Я не могу дождаться! Обожаю баклажаны!

Я кладу телефон и смотрю на ма. Четвертая тетя буквально-

но лежит на полу и рыдает от смеха.

– Что? Что такое? – спрашивает старшая тетя. – Похоже, он очень милый мальчик, который хотел приготовить для тебя баклажаны.

– Правда? – вскрикивает ма, жестикулируя. – Я читаю и думаю: «Этот мальчик такой милый, так заботится о моей дочери, даже спрашивает ее, хочет ли она пить».

Я закрываю лицо ладонями.

– Нет! Ма, эти эмодзи – капельки воды и баклажан – это сексуальные намеки!

Три пары глаз смотрят на меня в полном замешательстве, а четвертая тетя заходится от смеха.

– Сексуальные... что? В... ты... когда... что? – спрашивает вторая тетя.

Не могу поверить, что веду этот разговор со своими тетями и мамой.

– Сексуальные намеки. Ну, знаешь, типа сексуальные слова. Баклажан символизирует... э-э-э... мужское... эм.

Это просто смешно. Мне двадцать шесть, ради бога, и все же я не могу произнести слово «пенис» вслух перед мамой и тетями. Потому что часть меня уверена, что они будут ругать меня за это. Вместо этого я использую свой указательный палец, чтобы нарисовать в воздухе универсальный символ пениса.

– Баклажан, – говорит старшая тетя. – Да, он сказал «баклажан», мы это знаем.

– Нет...

– Она имеет в виду ПЕНИС! – Четвертая тетя завывает, а затем складывается пополам от смеха.

– Что? – Мама задыхается. – Нет. Но...

– Это звучит неправильно. Я думаю, ты ошибаешься, – решительно говорит старшая тетя.

Она выхватывает у меня телефон и снова хмурится.

– Видишь, он говорит: «Если бы знал, я бы пригласил тебя раньше... У меня очень большой...» – Она бросает телефон на стойку, как будто он превратился в таракана.

Ма стоит, застыв, с выражением ужаса на лице.

– Ма, ты в порядке?

Она медленно поворачивается и смотрит на меня, а потом произносит голосом, полным ужаса и удивления:

– Баклажан – это пенис?

– Да. – Я вздыхаю, чувствуя стыд за свое поколение.

– Я думала, он имел в виду, ну, знаешь, жареные баклажаны. Я думала...

Она выглядит такой потерянной и маленькой, что я не могу не пожалеть ее, поэтому крепко обнимаю ее за плечи.

– Все в порядке, ма. Я знаю.

– Да, все в порядке, все должны научиться переписываться в какой-то момент, – говорит четвертая тетя.

Я бросаю на нее сердитый взгляд.

– О сексе? – спрашивает мама.

– Не волнуйся об этом, – говорю я, похлопывая ее по пле-

чу.

– Итак. Ладно, это прояснило некоторые вещи. Не то чтобы это оправдывало поведение Джейка, но теперь я понимаю, почему он был таким... э-э...

– Похотливым? – спрашивает четвертая тетя. Она усмехается, когда я бросаю на нее еще один сердитый взгляд.

Ма снова прикладывает руку ко рту.

– Мэдди, это что... Его... Мальчика убили, потому что я сказала, что хочу съесть его баклажан?

Я открываю рот, чтобы ответить, но мои тети опережают меня, закричав в унисон:

– НЕТ!

– Ну и что, что ты говоришь, что хочешь есть баклажаны? – говорит вторая тетя. – Может быть, в один день ты хочешь съесть баклажан, а в другой день ты не хочешь, это нормально, что ты передумала.

– Да, он очень плохой мальчик, очень плохой, – говорит старшая тетя.

– Но если бы я не сказала «Ух, да, я хочу съесть твой баклажан», тогда, может быть, он бы не... ну, ты знаешь...

– Мэдди, когда он говорил тебе эти вещи в машине, что ты ему ответила? – спрашивает четвертая тетя.

– Я сказала ему: «Нет, меня это не интересует». Я убрала его руку с моего колена. И довольно четко сказала, чего я хочу и не хочу.

– Видишь? – говорит четвертая тетя, торжествуя. – Бакла-

жан не имеет значения. Это был просто флирт. Все так делают. Но он решил пойти дальше после того, как Мэдди сказала «нет». Это не твоя вина.

Я сочувствующе киваю.

– Это действительно не твоя вина, мама.

Тоненький голосок в моем сознании говорит: «*Ну, отчасти да, если бы она не выдала себя за меня с самого начала...*» Но я подавляю его. Теперь нет смысла сваливать вину на другого.

– Ладно, вернемся к тому, что случилось, – говорит старшая тетя. – Итак, этот прикурор пытался дотронуться до тебя...

– Придурок, – поправляет четвертая тетя.

Старшая тетя отмахивается от нее.

– Придурок пытался дотронуться до тебя...

– И тогда я вроде как испугалась, запаниковала и... возможно, слегка вырубил его электрошокером.

Четыре пары глаз уставились на меня в ужасе.

– Мэдди, – вздыхает вторая тетя.

– У тебя есть электрошокер?

Я не могу не вздрогнуть, когда киваю. Вот оно. Они собираются...

– Мы можем посмотреть? – спрашивает вторая тетя.

– А?

– Ух ты, интересно, какая у тебя модель, – интересуется старшая тетя. – Такая же, как у меня?

Она берет свою сумку с кухонного стола и начинает в ней рыться, глядя поверх очков для чтения.

Четвертая тетя вздыхает:

– Они опять отвлеклись. Эй! – Она хлопает в ладоши, будто вокруг разыгравшиеся щенки. – Сосредоточьтесь! Время идет, сейчас уже раннее утро.

Старшая тетя выпрямляется, прочищая горло:

– Ах, простите. Ты покажешь мне электрошокер позже. Хорошо, значит, ты его ударила током. Куда ты его ударила? В шею? По щеке?

Я таращусь на нее.

– Эм, в шею.

Они все кивают.

– Всегда выбирай шею, – говорит ма. – Я слышала, что шея – лучшее место для удара. Очень чувствительное. Хорошо, Мэдди. – Она треплет меня по щеке с одобрением.

Мне требуется секунда, чтобы собраться из-за беспорядочной бессмыслицы.

– А потом... потом он разбил машину, и, когда я пришла в себя, он был... Ну, вы знаете.

– Он уже умер, – неуверенно произносит ма.

Ни одна из моих тетюшек не кажется удивленной этим, что означает, что ма, должно быть, рассказала им все по телефону, прежде чем они приехали, или, может быть, это означает, что моя семья – КУЧКА ПСИХОПАТОВ.

Я выбрала первый вариант.

– Затем что? – спрашивает вторая тетя.

Она может сказать это снова. Мы сидим так некоторое время молча, каждая из нас глубоко в раздумьях. К сведению, я все еще заиклена на мысли «ПОЧЕМУ ОНИ ТАК СПОКОЙНЫ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? Я УБИЛА ЧЕЛОВЕКА».

Старшая тетя со вздохом снимает очки для чтения.

– Хорошо. Где сейчас Джейк?

– В багажнике моей машины, – говорю я, снова морщась от того, как безумно это звучит.

Она кивает.

– Тебя никто не видел, верно?

– Да, но как знать? Вокруг никого не было. Это была тихая улица, и, я думаю, он выбрал ее, потому что... ну, знаете, он хотел... ну, вы понимаете.

Мои тети и ма начинают материться на всех возможных языках: варианты слова на «х» разлетаются по кухне на разных диалектах китайского и индонезийского.

– Скажу я тебе, – шипит ма, – хорошо, что он умер, так как иначе я бы его сама прибила.

Хотя четвертая тетя и кивает в знак согласия, эти слова снова вызывают во мне слезы. Тот факт, что они не сомневаются в моей правоте, успокаивает меня, словно крепкие объятия, в которых я хочу раствориться, рыдать и позволить им обо всем позаботиться.

– Итак, мы избавимся от тела, – говорит старшая тетя со

своим обычным авторитетом.

– Погоди, – встречается четвертая тетя, – почему мы должны это делать? Почему бы просто не обратиться в полицию? Я имею в виду, это звучит как довольно явный случай самозащиты.

Ма хмурится на нее.

– Да, мы знаем, что это самозащита, но полиция об этом не знает. Если они увидят, что у нас труп в багажнике, они наверняка скажут: «Боже мой, вы его убили!»

Четвертая тетя смотрит на нее в ответ и уже открывает рот, чтобы сказать что-то, но останавливается, поворачивается ко мне и спрашивает:

– Зачем ты положила тело в багажник?

Несмотря на то, что четвертая тетя самая молодая из всех, она все же внушает трепет. Все женщины в моей семье такие. Кроме меня, наверное.

Я вздрагиваю под ее взглядом, и мой голос звучит неуверенно:

– Эм. Я испугалась. Не хотела ждать еще хоть секунду, пока кто-нибудь появится, мой телефон разрядился, и я не хотела ехать обратно с ним рядом. Оглядываясь назад, я понимаю, что сделала наихудший выбор, который могла.

– Нет, худший выбор – это оставить его там, на обочине, – говорит вторая тетя.

– О-о-о, да, это еще хуже, – соглашается ма, благодарно кивая ей, прежде чем бросить на четвертую тетю еще один

грозный взгляд. Четвертая тетя ее игнорирует.

– Конечно, если мы пойдем в полицию и все объясним, они поймут, что Мэдди не убийца. Посмотрите на нее!

Я вдруг снова становлюсь объектом четырех пар пронизательных глаз.

Я изо всех сил стараюсь не съежиться от такого внимания. Старшая тетя обменивается взглядом с ма. Хотя вопрос не звучит, я знаю, о чем она спрашивает маму: «Это твоя дочь, что ты хочешь сделать?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.